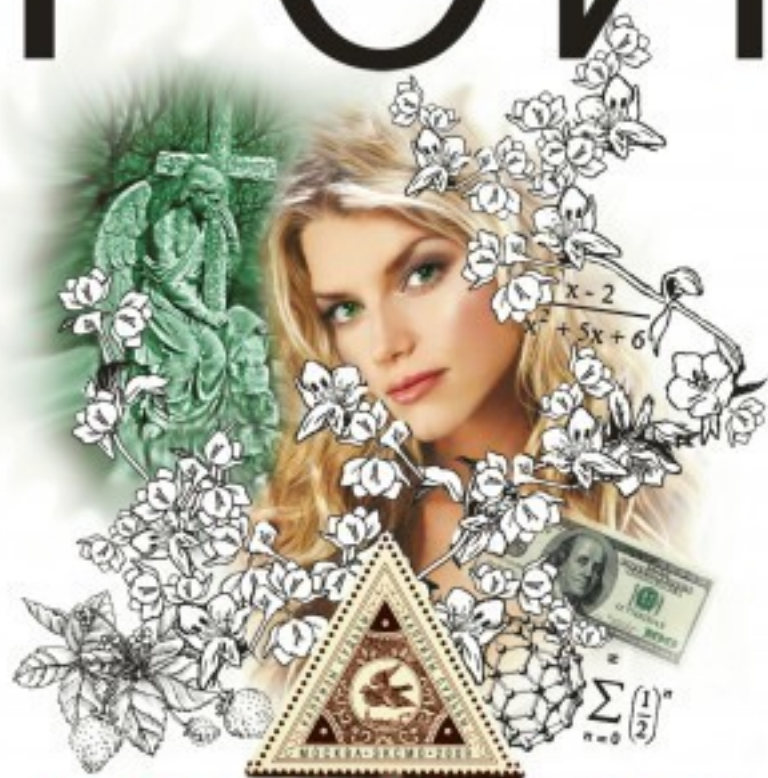

Олег РОИ

БАНКРОТСТВО МНИМЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Олег Рой

Банкротство мнимых ценностей

«Олег Рой»

2009

Рой О. Ю.

Банкротство мнимых ценностей / О. Ю. Рой — «Олег Рой», 2009

ISBN 978-5-699-35767-3

Евгений Крутилин к своей кличке «Лохнесс» относился двояко. С одной стороны, ему было приятно чувствовать себя редким зверем, ласково именуемым «Несси». С другой стороны, первые три буквы школьного прозвища вызвали в нем чувство протеста: «Нет, он не лох, он о-го-го какой бизнес построил, какую красавицу в жены взял!». Но жизнь — такая капризная штука, что сегодня ты возНЕССя, а завтра ЛОХанулся и приземлился прямо в лужу, став одновременно и банкротом, и рогоносцем. Осознание своего лузерства только у сильных духом людей вызывает сопротивление и желание все исправить. Пусть даже ценой собственной жизни. Но если оно возникло, если ты начал двигаться к намеченной цели, то для тебя всегда найдется ангел-хранитель. Думал ли Женька Крутилин, что удостоится таких ангелов?!

ISBN 978-5-699-35767-3

© Рой О. Ю., 2009

© Олег Рой, 2009

Содержание

Пролог	7
Часть первая	11
Часть вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Рой

Банкротство мнимых ценностей

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства:

«Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории, неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя.

По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном – о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишить человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

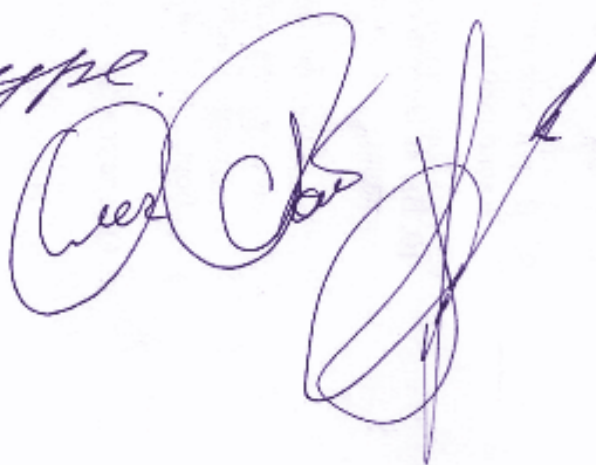
А. МАРИНИНА

Памяти моего сына Женечки посвящается

Дорогой читатель „ЛитРес“!

Я очень рад, что имеет
возможность обратиться
к каждому из вас с
пожеланиями удачи,
счастья, любви... Ведь
именно эти слова
вы так часто будете
встречать в хорошей
литературе.

Ваш

Пролог

Сизый табачный дым, клубившийся над каждым столиком, выглядел в неярком свете бра почти осязаемым. Казалось, стоит протянуть руку – и сможешь почувствовать в ладонях рыхлые облака, сжать их, скомкать, ощутить, какие они липкие... Во всяком случае, именно так представлялось мужчине в стильных очках, сидевшему в углу зала, рядом с елкой, украшенной одинаковыми шарами. В этот рождественский вечер его все раздражало: и елка, мешавшая удобно откинуться на спинку дивана, и полумрак зала «с претензией на интимную обстановку», и огромная плазменная панель напротив, с какими-то очередными рождественскими соплями, и дым... Особенно дым. Три года назад он бросил курить и с тех пор не переносил, когда кто-то смолил рядом. Вплоть до того, что старался избегать тусовок и даже некоторых деловых встреч – потому что рано или поздно у собеседников обязательно появлялись в руках сигареты. Свободно дышать удавалось лишь в собственном офисе, где он установил строгий запрет на курение. Нарушителям грозил штраф, а во время приема на работу новых сотрудников отсутствие вредной привычки выступало одним из критериев отбора. Впрочем, сейчас все уже оказалось в прошлом. Офиса у него больше не было, и компании, торговавшей компьютерами и когда-то считавшейся одной из лучших в Москве, тоже не было. Кризис, будь он не ладен!..

Сегодня желание закурить сделалось почти нестерпимым. Он отодвигал навязчивую мысль, прогонял ее, но она, как назойливая муха, возвращалась вновь и вновь, рисуя в воображении заманчивую картину. Ведь это так легко! Протянуть руку, вынуть из лежащей на столе пачки сигарету, почувствовать губами привычную упругость и, щелкнув зажигалкой, впустить в легкие до боли знакомый ароматный дым. Раньше он был уверен, что курение помогает ему думать – именно в такие минуты его посещали наиболее удачные идеи, приходило разрешение мучивших проблем. Может быть, и сейчас... Однако умом он понимал, что подобные надежды напрасны. Да, можно позволить себе поддаться соблазну. И сначала появится приятное, еле заметное головокружение и чувство расслабленности, потом стянет виски, возникнет головная боль и сухость во рту... Но дело даже не в этом. А в том, что в нынешней ситуации никакие сигареты не помогут.

Двое приятелей, сидевшие за его столом, абсолютно не замечали нервного состояния соседа, беспечно болтая между собой. Случайные знакомые из фитнес-клуба Well-being, с которыми он после тренировки увязался в бар, чтобы хоть на несколько часов отвлечься от тягостных мыслей, но здесь, в дорогом ирландском пабе, еще острее почувствовал одиночество и безвыходность своего положения.

Бокал перед ним почти опустел, и он сделал едва заметный жест, подзывая вышколенную официантку в очень короткой клетчатой юбке и кокетливых чулочках. Ножки у девушки были что надо, но сейчас такие вещи его не интересовали.

– Еще сто пятьдесят, пожалуйста.

Официантка услужливо кивнула головой и метнулась к барной стойке, а он опустошил свой бокал одним глотком. Выпито было уже немало, но это не принесло ни радости, ни душевного равновесия, ни успокоительного опьянения. Неприятные мысли и воспоминания все равно просачивались сквозь пелену алкоголя, не давая забыться или хотя бы расслабиться.

Соседи по столу, оживленно жестикулируя, продолжали свою беседу, и ему даже не нужно было прислушиваться, чтобы понять, о чем они говорят. Тема в их кругах сегодня одна – мировой экономический кризис. Кто-то пробует докопаться до причин, кто-то пытается делать прогнозы, но большинство в красках расписывают знакомым, малознакомым и вовсе незнакомым собеседникам, насколько богатыми они были или вот-вот могли бы стать, если б не события этой осени. Вот и сейчас один из его новоявленных приятелей жаловался на то, как

накрылся потрясающий кинопроект, в который он вложился, – «всем боевикам боевик, Голливуд отдыхает, Шварценеггер с Ван Даммом лопнули бы от зависти!», а другой выдавал в ответ историю о своей «телочке», которой он клятвенно пообещал, что сделает из нее известную певицу, – и тут такой облом! И оба на полном серьезе считали, что «значительно пострадали из-за кризиса».

Слушать это было невыносимо. Как вообще можно ставить на одну доску несостоявшуюся киношку и банкротство целой компании? Все, во что он много лет вкладывал столько сил, труда, денег, – все рухнуло в какой-то месяц. Дело всей жизни. Бизнес. И нет ничего. Совсем ничего. Он полный банкрот, полный... Интересно, как бы отреагировали его спутники, если бы он рассказал им о *своих* проблемах? Изобразили бы сочувствие? Стали бы утешать сказками о других разорившихся? Или шарахнулись бы от него, как от заразного больного?

«Впрочем, какое мне до них дело? – пронеслось в голове. – Все равно в конце января мой абонемент в клуб закончится, а новый я, естественно, покупать не буду. Перестану ходить на тренировки, они забудут обо мне, а я о них».

Официантка поставила на столик новую порцию коньяка. Он торопливо взял пузатый бокал, сделал большой глоток и скривился – вкус дорогого напитка показался неприятным, даже мерзким.

– Жека, а ты чего грузной такой? – наконец обратил на него внимание неудавшийся продюсер. Вообще-то к кино он никакого отношения не имел, в фильм вложился так, забавы ради. Женя знал, что у этого парня крупный строительный бизнес, но вот имя его никак не мог запомнить. То ли Саша, то ли Серега...

– Какие-то проблемы? – продолжал допытываться тот. – Не дрейфь, прорвемся!

– Да в порядке все, – бывший бизнесмен, а ныне банкрот Евгений Крутилин по прозвищу Лохнесс очнулся от мрачных раздумий и соорудил некое подобие улыбки. – С женой вчера поругался, сегодня надо мириться. Вот не выходит из головы.

– А, ха-ха, старик, – понимающе кивнул второй сосед, Виталик, любитель юных певиц. – Ну, это дело поправимое. Купи ей цацку какую-нибудь подороже – и весь базар. Уж я-то знаю! Когда моя кулема узнала про Дашку... Или это еще не Дашка, а Настасья была?.. Нет, все-таки Дашка... Так вот, такой визг подняла – мама не горюй! Развод, раздел имущества, с детьми видаться не дам, и все такое прочее... Ну я, не будь дураком, колечко ей подогнал, с брюликами покрупнее, – враз заткнулась!

– Хорошая идея, – Лохнесс кивнул и допил остатки коньяка. Он и сам не знал, зачем пошел сюда, вместо того чтобы ехать домой. Но с чужими людьми он чувствовал себя относительно спокойно, хотя и понимал, что это ненадолго. Очень скоро ему придется опять погружаться в реальную жизнь. И еще он оттягивал разговор с женой, хотел его и боялся одновременно.

Жена... Марина... Такая мягкая, ласковая, вчера впервые за всю их совместную жизнь выпустила коготки и больно царапнула. Что это – случайность? А вдруг теперь, когда он разорился, так будет всегда? Если и дома все обрушится, тогда хоть в петлю...

Он подумал об этом отстраненно, но потом вернулся к этой мысли и повторил ее про себя еще раз, точно пробуя на вкус. И действительно, если он лишится и своего дела, и семьи, то для чего ему жить?

* * *

Марина сама не знала, отчего вдруг решила остаться дома. Не то чтоб некуда было поехать, наоборот, звали и в клуб, и за город с ночевкой. Но она не приняла ни одного из приглашений. Возможно, потому, что не хотелось тратиться на подарки. И раньше-то, до банкротства мужа, Марина была скуповата, больше любила получать, чем дарить. Ну а теперь, когда

последние деньги таяли на глазах с ужасающей скоростью, покупка рождественских сувениров выглядела непозволительной роскошью. Нет уж, хватит с них и тех милых пустячков, которые она преподнесла всем друзьям и нужным людям на Новый год!

Так что ни в какие гости и тусовки Марина не поехала, но по магазинам, впрочем, прошвырнулась – праздник же, почти везде рождественские скидки. Купила джинсы, пару кофточек, юбку-миди, сапожки, сумочку и так, по мелочи: шампунь, пену для ванны с ароматом шоколада, крем для тела с афродизиаками. Конечно, где-то в глубине сознания свербела неприятная мыслишка, что тысячи, которые она тратит, – последние и хорошо бы быть поэкономнее... Но Маринка гнала все сомнения прочь, решив для себя, что станет переживать неприятности по мере их поступления. Вот закончатся средства – тогда и начнем плакать и во всем себе отказывать. А сейчас, пока на кредитке еще что-то есть, можно устроить себе маленький праздник.

Домой она вернулась уже в сумерках, перемерила все обновки и, вполне довольная приобретениями, отправилась в ванную, опробовать новую пену.

В тот самый момент, когда запиликал телефон, Марина как раз повесила мокрое банное полотенце на сушилку и потянулась к тюбику с кремом.

– Привет, что делаешь? – прозвучал в трубке знакомый голос, от которого по распаренному обнаженному телу тотчас побежали приятные мурашки.

– А ничего. Дома сижу...

– Собираешься куда-нибудь вечером?

– Да нет, вряд ли. Лениво что-то. Ванну вот приняла с шоколадной пеной, перышки чищу...

– Вот как? А твой где?

– Понятия не имею.

– С шоколадной, говоришь? Ну что ж, это здорово...

И прежде чем Маринка успела сказать еще что-то, в трубке раздались короткие гудки. Жена банкрота Евгения Крутилина вернулась к своим приятным занятиям, но сердце долго еще продолжало биться, словно растревоженная птица...

* * *

Радио в автомобиле было включено на полную мощность, веселый голос диджея в который раз за день поздравлял слушателей с Православным Рождеством. Ехали медленно, еле-еле двигаясь в потоке – в праздничный вечер улицы Москвы оказались забиты почти под завязку. Макса это раздражало, он вел машину нервно, то слишком резко дергал с места, то пытался перестроиться в соседний ряд, где ему казалось посвободнее, то, ничуть не стесняясь присутствия хозяйки, матерился, проклиная на чем свет стоит других водителей, гаишников и чиновников, которые думают только о том, чтоб набить свой карман, а не о том, чтобы хоть как-то решить проблему с движением в столице. Зато Карина пребывала в отличном настроении и только посмеивалась над личным водителем и по совместительству охранником. Она ехала на свидание, не назначенное заранее, а задуманное как сюрприз, праздничный подарок, – и чувствовала себя совершенно замечательно. Подпевая лившейся из колонок модной песенке, она придиричливо осматривала свой свеженький маникюр и не находила в нем ни единого изъяна. Определенно, она не прогадала! Эта новенькая маникюрша, которую Карина перед Новым годом переманила в свой салон от конкурентов, стоила обещанных ей денег.

Наконец утомительное путешествие по запруженному машинами центру закончилось. Автомобиль свернул в тихий двор недавно отреставрированного дома на Солянке, гуднул клаксоном перед шлагбаумом, подрулил к высоким резным дверям подъезда. Макс сглотнул и поинтересовался:

– Я вам сегодня еще нужен?

– Сегодня – нет, – покачала головой Карина. – Я потом себе такси вызову. А ты поезжай домой, отдохни как следует. Праздник отметь. Но не забывай о завтрашнем поручении, – она хотела произнести это легко и беззаботно, но не получилось, голос все-таки дрогнул. – Ну, пока!

И, подхватив пакет с логотипом известной фирмы, специализирующейся на роскошном женском белье, Карина застучала каблучками. Нажала кнопку переговорного устройства, дождалась ответа, кокетливо прошептала: «А это я! Не ждали?» – и исчезла за тяжелой дверью.

Макс тут же рванул с места. Скорее отогнать хозяйскую машину и домой. Боже, какое же это чудесное слово – домой! Ничего на свете не может быть лучше, чем возвращаться туда, где тебя любят и ждут, где тепло и горит свет. Ух, и напразднуются они сегодня! А завтрашнее поручение он исполнит, обязательно исполнит. А потом... Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить! Он запрещал себе даже думать о «потом», чтобы ненароком не рассердить судьбу, быть может, впервые в жизни улыбнувшуюся ему.

– Домо-ой, – запел он в полный голос. – Домо-о-о-ой!

* * *

Рождество Степе всегда нравилось даже больше, чем Новый год. Это пошло еще с детства, с тех сказок и романтических историй, которые читала ему вслух сестренка Вика. Она очень рано выучилась читать, года в четыре, и с тех пор не расставалась с книгами. А вот он, Степа, это занятие не слишком любил, ему было лень складывать буквы в слоги, а слоги в слова. Куда лучше это делает за тебя любимая сестренка. А Вику он действительно любил, да что там – обожал, боготворил просто. Маленьким бегал за ней всюду, как хвостик, подражал всем ее словам, движениям, поступкам, смеша и умиляя взрослых.

С годами неприязнь к чтению прошла, а любовь к сестре осталась. Теперь, когда не стало родителей, Степа, хоть и был моложе, чувствовал себя ответственным за Вику, заботился о ней, баловал. На Рождество, например, подарит новый мобильник, а на Новый год преподнес перчатки, французские духи и шикарный трехтомник Толкиена на английском языке. Толкиену сестренка обрадовалась больше всего, сказала, что давно мечтала прочитать в подлиннике.

По-хорошему, Степану надо было сегодня быть на работе, в праздничные и предпраздничные дни там всегда особое оживление. Но он специально взял выходной, чтобы встретить Рождество дома.

Сейчас они с Викторией готовили праздничный ужин. Степа делал салат – ее любимый, с кукурузой и крабами, сестренка резала колбасу и красиво укладывала ее на тарелке. Пристроила последний кусочек, полюбовалась результатом, подняла голову, улыбнулась ему, хотела что-то сказать, но тут в храме, неподалеку от их дома, зазвонили в колокола.

Они оба, не сговариваясь, выглянули в окно, залюбовались пышным белым снегом, зимними деревьями, ярко подсвеченной церковью.

– Какая же красота! – проговорила Вика. – Как в сказке. С Рождеством тебя, братик!

– И тебя! – Степа обнял ее. Он чувствовал себя почти счастливым. Разве можно было думать о чем-то плохом в такой чудесный вечер? Даже если это плохое было очень плохим. Совсем плохим...

Часть первая

Женя не помнил, кто первым назвал его Лохнессом и откуда взялось это прозвище. Твердо знал лишь одно – появилось оно в то время, когда слово «лох» еще не было так распространено и, соответственно, изначально в кличке не было ничего обидного. Скорей всего, дело было в мифическом шотландском чудовище. Когда Женька Крутилин учился в средней школе, все увлекались байкой про Несси, спорили до хрипоты, а подчас и до драки, может или не может так быть. Женя тогда буквально болел этой историей, зачитывался статьями в журналах, приносил в класс фотографии, вырезанные из «Науки и жизни», и даже создал собственную теорию, неоспоримо, как ему тогда казалось, доказывающую существование Несси. Неудивительно, что прилепилась кликуха... Хотя, может, Несси тут и ни при чем была. Просто Крутилин всегда ходил лохматым, с торчащими во все стороны вихрами. Эта непокорность его волос сохранилась и по сей день, только теперь он знал об этом и старался не допускать неряшливости, стригся часто и коротко.

Словом, лохматость прошла, а кличка осталась. Лохнессом Женьку звали и друзья в университете, и приятели на работе. И даже обе жены. Марина, нынешняя, – ласково, в шутку. А бывшая, Карина, когда сердилась и хотела побольнее уколоть, обзывая лохом...

«Домой, надо ехать домой. Помириться с Мариной, вместе встретить Рождество. Накроем стол, выпьем вина, включим телевизор и будем смотреть трансляцию праздничной службы. Я постараюсь забыть ее слова, она ведь говорила в порыве гнева... Зализать раны в своей берлоге, а там... Утро вечера мудренее», – эти мысли пульсировали в его голове, а он все не мог заставить себя встать с мягкого дивана в полутемном пабе. Наконец решился. Достал бумажник, положил купюру на столешницу и, не попрощавшись, игнорируя удивленные взгляды фитнес-приятелей, вышел на улицу.

Стоял морозный вечер с ясным звездным небом. Днем шел снег, и за какие-то три часа, которые Лохнесс провел в пабе, все вокруг изменилось как по волшебству. Деревья, кусты, крыши, карнизы, провода, ограды, искусственные елки на площадях – все словно родилось во второй раз и зажило новой радостной жизнью. Казалось, множество маленьких пушистых ангелочков спустились с небес на землю и весело рассыпались по ней, чтобы устроить людям настоящий праздник. Такие сказочные картины в городе редкость.

Издалека, со стороны Новодевичьего монастыря, донесся колокольный звон. Православные готовились к встрече Рождества.

Слегка пошатываясь, Женя вышел на Пироговку и неуверенно поднял руку. Он давно сам не ловил машину вот так, полупьяным. Да и вообще никак не ловил, всегда ездил на собственном джипе с водителем. Но перед каникулами водителя пришлось рассчитать, а джип сегодня остался на стоянке – Лохнесс заранее чувствовал, что может вечером напиться.

Рядом тормознула грязная убитая «шестерка», Женя сердито отмахнулся – проезжай, мол, я еще не настолько низко пал, чтоб ездить на *таких* машинах. «Жигуленок» обиженно упирался прочь, а Лохнессу вдруг стало... не то чтобы стыдно, но как-то неловко. Кто он теперь такой, чтобы презирать людей, честным трудом зарабатывающих копейки? Еще неизвестно, что будет с ним самим через несколько месяцев...

Следом за «шестеркой» подрулила другая машина – «Волга», настоящее такси, даже с шашечками.

– Куда поедет, командир?

– На Солянку, – облегченно выдохнул Лохнесс и сел на заднее сиденье.

Внутри было тепло, тихо наигрывал оркестр Эдди Рознера.

Таксист, очевидно, любитель поболтать с клиентами, вопросительно полуобернулся, но, взглянув на пассажира, ничего не сказал.

Женя любил джаз. Дома у него собралась целая коллекция дисков: Олег Лундстрем, Генри Миллер, Карел Влах, Яков Скоморовский, его любимый Александр Цфасман... Слушая музыку, он прикрыл глаза и как-то сразу обмяк, на душе потеплело. Мелодия, связанная со счастливыми мгновениями жизни, перенесла его на год назад. В прошлом году они с Мариной встречали Рождество в Альпах. Именно в этот день, в далеком теперь Зельдене, они, вернувшись под вечер с крутых горнолыжных спусков, ужинали в уютном ресторане «Эдельвейс» и танцевали как раз под эту композицию. А потом провели такую незабываемую ночь!.. Какие слова он шептал ей тогда, какие ласки дарила она ему... И как же все изменилось за какой-то год! В карманах пусто, Маринка, его мягкая и пушистая Маринка, вчера вечером бросала ему в лицо какие-то дикие слова, называла его неудачником, лохом, проклинала тот день, когда они встретились... Женя вздохнул. От большого количества коньяка думалось тяжело, мысли путались, клонило в сон. Он и не заметил, что такси подъехало к его дому.

– Сюда? – уточнил водитель и, получив утвердительный ответ, завернул во двор.

Лохнесс поднял голову и посмотрел на окна своей квартиры. Везде темно, только в спальне мягкий, приглушенный полусвет.

«Дома», – почему-то с облегчением подумал он. После вчерашнего она могла отмочить что угодно – уехать к маме, пойти с подругами в клуб, но она все-таки дома. Это хороший знак.

Перед входом в квартиру Женя ощупал карман куртки. Рядом с ключами обнаружилась бархатная коробочка, в которой были сережки с бриллиантами – подарок Маринке на Рождество, куплен еще с утра.

На звук открывшейся двери Марина не вышла. Наверное, дуется еще... Двигаясь не слишком уверенно, Лохнесс снял куртку, повесил на вешалку, переобулся. В квартире по-прежнему было тихо.

«Может, спит?» – мелькнуло в затуманенной алкоголем голове.

На цыпочках Женя двинулся к спальне. Сделав пару шагов, явственно почувствовал, как ударил в ноздри легкий сладковатый запах. Слишком хорошо знакомый запах – дурманивший, пьянящий, несущий с собой порок и разрушение... С недавних пор Евгений уже не мог спутать его ни с каким другим ароматом.

«Опять Маринка травку курила! – подумалось с досадой. – А ведь обещала...»

Он секунду помедлил, не зная, что делать дальше. Ворваться в комнату, разбудить, наорать на нее за то, что снова взялась за старое? Или дожждаться, пока проснется сама, и потом отчитать? А как быть с подарком? Так хотелось сделать приятное...

У самой спальни запах «дури» ощущался сильнее. Двойные двери из настоящего черного дерева были закрыты. Женя уже собирался их приоткрыть, когда услышал изнутри приглушенный голос Марины, а затем – низкий, с хрипотцой, женский смех.

«С кем это она? – удивился Лохнесс. – Что-то новенькое. Обычно она курила траву одна».

Он снова прислушался. Голос Марины, мягкий и вкрадчивый, перемежался чьим-то отрывистым хихиканьем. Это хихиканье было знакомо Лохнессу, он его неоднократно где-то слышал. Но где? То, что подсовывала ему память, было слишком неправдоподобно. Тут смех резко оборвался, и незнакомка страстно зашептала что-то. Женю бросило в жар.

– Бред какой-то, – проговорил он себе под нос и дернул дверь.

К его удивлению, та оказалась заперта.

«Кого же там нелегкая принесла? – возмутился про себя Лохнесс. – Вот дуры! Заперлись и думают, что все шито-крыто. Как будто я запаха не учую!»

Он уже собрался отойти от дверей, когда из спальни раздался звук, заставивший его замереть на месте. Сначала прозвучал слабый отрывистый стон, затем второй, громче и протяжнее, потом еще и еще... Стонала Марина, в этом у Жени не было сомнений. Как и в причине подобных стонов – кому, как не ее мужу, было знать, как ведет себя жена в постели? В первый момент он вообще ничего не понял. Там, за запертыми дверями, Марина занимается сексом?

Но как же так, ведь второй голос был женский?.. Получается, его жена предается любовным утехам... с женщиной?

Доносившиеся из-за двери томные вздохи и стоны то затихали, то с новой силой обрушивались на ошарашенного Лохнесса. В первый момент, когда пришла догадка, он сначала даже не рассердился, а удивился, будучи просто не в состоянии понять – *как так?* Марина, его Марина – лесбиянка? Ну, пусть не лесбиянка, пусть, как это там называется, бисексуалка, что ли? Да, точно, би. Но все равно верилось в это с трудом. Она же раньше никогда...

Он постоял еще некоторое время, туго соображая, что ему делать: взломать дверь, чтобы увидеть, с кем это Маринка так нагло развлекается, или плюнуть на все. И тут его жена громко и явственно произнесла:

– Карина...

Лохнесса как током ударило. Этого не может быть!

– Карина... Кариночка... – словно в насмешку над ним, повторили за дверью. – Еще...

Он заскрипел зубами и на нетвердых ногах отошел от спальни. Стало ясно как день, что происходит внутри спальни. Там, на огромной испанской кровати, купленной за бешеные деньги полгода назад, когда о кризисе еще не было и помину, его нынешняя жена занималась сексом с его бывшей женой. Лохнесса чуть не стошнило, и он поплелся в ванную.

Из большого настенного зеркала на него смотрел стеклянными глазами осунувшийся, помятый и, похоже, совсем потерявшийся человек. Коротко постриженные русые волосы взлохмачены, очки не скрывают темных кругов под глазами, галстук съехал набок.

– Кто это? – Лохнесс оглянулся вокруг, как будто надеясь увидеть еще кого-то рядом с собой. – Это я?.. Какой кошмар! Сколько же я выпил? – и застонал – то ли от того, что увидел в зеркале, то ли от нового предательства. Он плеснул на лицо холодной воды. – Никому нельзя верить. Маринка... и ты тоже, но зачем – так?! Да еще с Кариной, этой стервой...

Уткнувшись в большое махровое полотенце, висевшее на сушилке и еще сохранявшее нежный аромат шоколада, он просидел несколько минут. Затем резко поднялся, прошел в прихожую, наспех обулся, кое-как оделся, путаясь в рукавах пальто, вынул из кармана ключи, отсоединил те, что от квартиры, и бросил их на тумбочку. Громко хлопнув входной дверью, Евгений вылетел из подъезда и, переведя дыхание, с наслаждением вдохнул морозный воздух. На душе у него было пакостно, как никогда, он чувствовал себя опустошенным, и эта пустота разрывала его на части. Сердце бешено колотилось, а в голове, точно дробь дятла, мелькали вопрос за вопросом: «Что же это? Что? Почему она со мной так? Чего я недодал Марине, что она стала трахаться с бабами? Да еще с этой курвой?.. А может, она и раньше была такой? Может, она меня просто использовала все это время?.. И была со мной просто из-за денег? За что мне все это? И что же делать? Что делать?..»

Сейчас желание было одно – бежать. Подальше от этого дома, от этой гадости, этого предательства.

Казалось, что от бед и несправедливостей, которые подняли целую бурю в его душе, во всем мире, в природе должно было что-то измениться. Но когда он огляделся, все было тихо. Москва жила обычной вечерней жизнью: светились окна, шумели автомобили, где-то разговаривали и смеялись люди. На небе появился месяц, красивый и яркий, точно из мультфильма.

«Никому до меня нет дела, – горько улыбнулся Лохнесс. – Все против меня, все!»

Покачиваясь из стороны в сторону, он подошел к своему джипу. Тот был заставлен автомобилями соседей и, казалось, говорил ему: «Извини, дружище, но, может, оно и к лучшему? Куда тебе ехать в таком состоянии?..»

Лохнесс открыл дверцу, забрался на сиденье, включил зажигание. Машина с ходу завелась. Он сел поудобней, включил печку. Стекла были покрыты снегом, и на миг ему показалось, что он в норе.

– Да, – сказал Женя в пустоту салона, – она была права. Я неудачник, и у меня больше ничего нет. Остался только джип! – Он положил руки на руль, прошелся по его выпуклостям пальцами. Снять автомобиль с тормоза и вырулить на дорогу не позволяли остатки здравого смысла. Не то чтобы он боялся лишиться жизни в аварии – да черт с ней, с такой жизнью! Но от его неосмотрительности могли пострадать другие – а этого Евгений не хотел. Так и остался сидеть в машине, предаваясь невеселым мыслям.

Вдруг вспомнилось, как в середине осени он вернулся домой пораньше и обнаружил, что лифт не работает. Пришлось подниматься пешком. Забавы ради он, как в школьные годы, перешагивал через две ступеньки и на третьем этаже неожиданно столкнулся лоб в лоб с охранником Карины. Похожий на киллера, коротко стриженный Максим в черной куртке-косухе смерил Женю холодным колючим взглядом и, не вынимая рук из карманов, проскользнул мимо, еле кивнув. А ведь они хорошо знали друг друга. Тогда Евгений удивился, но не придал этому большого значения, мало ли к кому мог приходить Макс, приторговывающий наркотиками. Теперь-то ему было ясно как божий день, зачем и к кому тогда заходил этот бугай. Значит, они обе, Маринка и Каринка, полтора года назад познакомившись на его дне рождения, все-таки спелись, нашли себе общее занятие: сначала травка, потом постель.

Коварная память подсунула тотчас и другую сцену. Незадолго до Нового года жена в очередной раз пришла поздно, возбужденная, вся какая-то необычная.

– Ты опять курила травку? – устало спросил он ее. Сил ругаться и скандалить уже не было.

А она в ответ загадочно, как Мона Лиза, улыбнулась, глядя куда-то вдаль, сквозь него, передернула плечами и, уже не таясь, сказала:

– Поддерживаю необходимый уровень эмоционального комфорта.

– Кучеряво изъясняешься, – хмыкнул в ответ Евгений. – И каков же он, необходимый уровень?

– У каждого свой, – Маринка сверкнула глазами. – Не сидеть же мне дома, проливая слезы над твоими проблемами. Так и свихнуться недолго.

– Разве мои проблемы – не твои проблемы?

Марина удивленно подняла брови, как бы говоря: ты это о чем? И подытожила разговор:

– Поэтому, дорогой мой, чем больше проблем, тем и уровень комфорта должен быть выше.

«Значит, я не вошел в ее уровень этого самого комфорта, – мысленно заключил Крутин. – А ведь я любил ее, угадывал любое ее желание, ни в чем ей не отказывал: хочешь такое платье – пожалуйста, хочешь путешествие – получи, устаешь – не работай, хочешь любви – я могу ночь не спать... Ведь мы были счастливы, я помню ее счастливые глаза, такое нельзя разыграть. И вот сегодня, именно сегодня, когда и грех-то о ком-то плохо думать, узнаешь, что твоя любимая с другой женщиной... Какая мерзость!»

Он поднес к глазам руку с часами. Старая, купленная еще в начале девяностых фальшивая «Монтана» светилась в полутьме зеленоватыми палочками. «Сколько лет, а часы все никак не сломаются, не хотят, видимо, уступать свое. На важные деловые встречи, где «встречают по одежке», он, конечно, надевал другие часы – золотую «бочку» от «Патек-Филипп», но в неформальной обстановке хранил верность старой доброй псевдо-«Монтане». Приятели время от времени поддевали его, но он отшучивался: эти часы, мол, прошли с ним огонь и воду, и негоже отказываться от старого друга, который столько лет служит верой и правдой... Почти минуту Лохнесс тупо смотрел на циферблат, пытаясь понять, который же теперь час. Ему показалось, что стрелки не двигаются, время остановилось. «Черт, и часы меня предали. Даже часы!..» От этой мысли, пронзившей насквозь, стало не по себе. Он замер на какое-то время, а потом снова резко поднес часы к глазам. Минутная стрелка передвинулась, и Женя ясно увидел, что сейчас четверть десятого.

Внезапно он почувствовал, что не может больше сидеть на месте. Выскочил из джипа, резко захлопнув дверцу, со злости пнул колесо соседской «Тойоты», припаркованной слишком близко, и побежал прочь от дома, в котором его жены, обкурившись травкой, предавались любви. Он шел не разбирая дороги, не подымая глаз. Его шаг был стремительным, как будто он куда-то опаздывал. Иногда он срывался почти на бег, мчался, не замечая, что разговаривает сам с собой:

– Что происходит? Почему все так плохо? И почему все против меня?

Мимо пронеслась подержанная «девятка» с тонированными стеклами, и Крутилина обдало, как холодной водой, звучащей из динамиков песней: «...А потом обними, а потом обмани...»

– Обмани, обними... Этого добра у нас навалом, – пнув ногой ком снега, продолжал Женя разговор сам с собой.

Где-то громко залаяла собака.

– Маринка! – Крутилин на миг остановился. – Неужели я – я! – обделял тебя своим вниманием? Ну чего – чего! – тебе не хватало?

Проходящая мимо парочка на всякий случай обошла Лохнесса стороной. А он, не замечая никого вокруг, продолжал:

– А может, как раз оттого, что всего было выше крыши, и захотелось тебе чего-нибудь эдакого. А я-то, дурак, радовался, что нашел свою половинку – милая, ласковая, заботливая... А эта милая и ласковая любила-то не меня, а мои деньги... И Каринку.

Тут он заметил, что стоит на одном месте, и, словно опомнившись, заспешил вперед.

– И сколько же это у вас длилось, интересно? Хотя какая разница, это теперь не имеет никакого значения. – Он снова остановился и, подняв голову наверх, громко закричал-завыл: – Это не имеет никакого значения!

И снова громко залаяла собака.

Евгений и не заметил, как вышел к Яузскому бульвару. Оказавшись на засыпанной снегом аллее, Лохнесс еще раз подивился разительному несходству между его состоянием и окружающей красотой. Казалось, ничего на свете не может быть прекраснее этих одетых в иней деревьев, точно сошедших с рождественской открытки. Смахнув со скамейки целый сугроб, Крутилин плюхнулся на нее и, не чувствуя холода, принялся наблюдать, как неподалеку кучка подростков запускает петарды.

Шипя и свистя, в ясное небо взлетела ракета и распалась разноцветными огнями. За ней последовала другая, затем еще одна. Мальчишки радостно кричали, петарды взрывались, сирены автосигнализаций дополняли ночную радость ребят. Окна близлежащих домов светились, люди праздновали Рождество.

– Люди живут нормальной жизнью, сидят за праздничным столом, поздравляют друг друга, дарят подарки, кто-то на службе в церкви... – Лохнесс тяжело вздохнул: – А я как бездомная собака...

Мороз пощипывал его за щеки, пробирался все дальше, за расстегнутый воротник пальто. Крутилин медленно выдохнул и задумчиво посмотрел на пар, идущий у него изо рта. Затем зачерпнул пригоршню снега и растер им лицо.

«Что дальше?.. Спрятаться бы, как в детстве, в мамины ладони, забыться».

И зачем люди взрослеют?..

Глаза его затуманились, на него вдруг нахлынули воспоминания. Но не о Маринке, не о Карине, черт бы ее подрал, а о далеком детстве, тех летних каникулах в деревне на Урале, перевернувших его жизнь...

* * *

Жене тогда было двенадцать. Он как раз закончил пятый класс, и мама решила на лето поехать с ним на Урал, где в деревеньке под Пермью жила ее дальняя родственница.

До того каждые летние, а часто и зимние каникулы Женя проводил в пионерском лагере «Вымпел» в Подмоскowie, недалеко от Звенигорода. Там все было привычно: лес, речка, друзья-мальчишки и симпатичные девочки, знакомые вожатые и отличные повара. Но в ту весну в лагере сгорело два корпуса из-за каких-то неполадок в проводке, и восстановить их не успели. Пришлось родителям решать проблему летнего отдыха кто как мог. Галина Евгеньевна Крутилина собрала все причитавшиеся ей за несколько лет отгулы и махнула с сыном в гости.

То лето Лохнесс запомнил на всю жизнь, с ним закончилось его детство. И, наверное, никогда больше он не испытывал такого пронзительного и всеобъемлющего счастья и такого беспредельного горя, как тогда.

Началось путешествие интересно. Сначала добрались до Перми самолетом, и поскольку Женька летел первый раз в жизни, то был в полном восторге. Потом доплыли, вернее, как говорят матросы, *дошли* по Каме на «Ракете» от речного вокзала до Сташкова, что тоже показалось очень здорово. Но вот место, где им предстояло жить, Лохнессу совсем не понравилось.

Старый дом, весь покосившийся и пропахший какими-то тяжелыми деревенскими запахами, с низким потолком, маленькими окошками, выцветшими обоями и крашеными половицами, произвел на мальчика угнетающее впечатление. Ему показалось, что везде грязно и неуютно. Хозяйка, Анна Николавна, ему тоже не приглянулась. Была она высокой, слишком широкой в бедрах и какой-то неопрятной. Разговаривала громко, быстро и невнятно, «проглатывая» гласные, а еще – грубовато, не церемонясь с собеседниками и не стесняясь вставлять в свою речь крепкие словечки. К тому же от нее пахло навозом, сыростью и еще чем-то кислым и очень противным.

Пока мама разговаривала с теткой, или кем она там была, Женька осмотрел избу, прошелся по комнатам, деловито подергал двери, изучил огород, заглянул в сарай, в хлев, в курятник. Их родственница жила одна и в одиночку волокла на себе все хозяйство – держала корову, коз, свинью с поросятами и кур.

«И в этом колхозе мне торчать целых два месяца, – мрачно подумал Лохнесс. – Чем я тут, интересно, буду заниматься? Даже телевизора нет...»

Будь его воля, он ни за что не остался бы здесь.

Им отвели небольшую, впрочем, довольно чистую комнатку. В ней помещались колченогий стол да две железные кровати. Такие Женя раньше видел разве что в кино: высокие спинки из полых трубок, с шариками наверху, лоскутные одеяла, и на каждом – гора подушек под кружевной накидкой. Основа у кроватей была пружинная, и качаться на них оказалось очень приятно, но поднялся такой неимоверный скрип, что Женьке тут же попало от хозяйки. Мама смутилась и, не желая начинать отпуск с конфликта, потащила сына гулять, забыв на время о нераспакованных сумках и чемоданах.

Деревня Сташково раскинулась по обоим берегам Камы. Сторона, где поселился Лохнесс с матерью, была, видно, более старой, с многочисленными бревенчатыми домами. Другая часть, что за рекой, через мост, выглядела поновее, там попадались и кирпичные постройки, среди них магазин, школа и современное здание сельсовета.

Женька с Галиной Евгеньевной перешли через мост, прогулялись по «новой» части, заглянули в магазин, дошли до кладбища и вернулись на «свою» сторону, но не к дому Анны Николавны, а прошли через всю деревню, по берегу, и вышли на огромное поле, за которым виднелась вдаль темная полоса леса.

– Гляди, сыночек, какая красота! – восхищалась мама. – Какое разнотравье, сколько цветов! А воздух какой, чувствуешь, как тут дышится? Не то что в Москве! Как же здесь здорово, правда?

И Лохнесс, еще каких-то пару часов назад весьма недовольный новым местом отдыха, сейчас был полностью с ней согласен. Что и говорить, красиво. И в чем-то даже лучше, чем в лагере. Во всяком случае, широченная Кама ни в какое сравнение не идет с Москвой-рекой под Звенигородом. И опять же никаких вожатых, которые вечно не дают ни покупаться вдоволь, ни по лесу погулять...

Довольная мама нежно потрепала его по затылку:

– А ты говорил, тебе не понравится. Настоящая дикая уральская природа! Мы еще за грибами пойдем, за ягодами в лес. Скучать тут не будешь.

Вечером Лохнесс попробовал было разузнать у хозяйки насчет леса, но она решительно оборвала его, объяснив, что местные леса не годятся для развлекательных прогулок.

– Вам, городским, и соваться туда неча! – проговорила она в своей обычной, быстрой и невнятной, манере. – Враз заблудитесь. Гнус опять же тама, клещ цефалитный, а другой раз так и вовсе волки. В том году мужики ажно двух убили.

Маму такой поворот событий огорчил, а Женьку – и не очень, ему и так хватило впечатлений. В тот вечер, только добравшись до подушки, он моментально забылся блаженным сном, спал крепко и на следующее утро проснулся рано и удивительно легко, чего с ним в городе никогда не случалось – всегда приходилось будить по полчаса.

Лохнесс сел на кровати, которая тотчас заскрипела, но мама даже не пошевелилась. Светало, делать совершенно нечего, и Женька решил отправиться на разведку.

Тихонько одевшись, он осторожно выбрался из дома. Роса моментально замочила ноги в сандалиях, но Женька только улыбнулся, сладко потянулся и, на всякий случай стараясь не попасться на глаза хозяйке, пошел в сторону поля, за которым начинался лес. «Деревенские вроде рано встают», – подумал он, но на улице никого не встретил.

Лохнесс еще вчера решил предпринять это. Лес притягивал его. «Конечно же, там нет никаких волков, – уговаривал он сам себя. – Эта противная Николавна просто хотела нас напугать». Но тем не менее ему было слегка не по себе. Мысль о том, что в лесу все-таки могут быть волки или какие-нибудь другие дикие животные, кабаны там или даже медведи, приятно щекотала нервы. Женька чувствовал себя отважным исследователем или храбрым охотником, вроде Зверобоя.

Идти пришлось гораздо дальше, чем он думал. Поле казалось бесконечным – идешь, идешь, а лес все не приближается. Когда мальчик наконец подошел к опушке, солнце начало припекать. Впрочем, тепло утра вскоре осталось за спиной, как только он вступил в густую прохладу елового леса. Первое время он стоял, крутя головой во все стороны, потом тихонько пошел вперед. Двигался почти бесшумно, только легкий хруст высохших иголок раздавался под ногами.

Женька был уверен, что с каждым шагом лес начнет густеть и мрачнеть, но получилось прямо наоборот. Впереди становилось все светлее, и вскоре Лохнесс вышел на большую поляну, залитую солнцем. Он, очарованный, уставился себе под ноги. Столько земляники он еще никогда в жизни не видел. Ягоды, такие крупные, яркие и блестящие, что казались ненастоящими, виднелись повсюду, покрывая поляну сплошным ковром. Вот это да!

Присев на корточки, Женька стал лихорадочно рвать ягоды и тут же отправлял их в рот, с наслаждением впиваясь зубами в сочную кисло-сладкую мякоть. Он так увлекся, что чуть не вскрикнул, когда откуда-то сбоку вдруг раздалось:

– Не ешь эти ягоды, отравишься!

В первую секунду Лохнесс онемел. Не столько от испуга, сколько от изумления. Попад в лес, а потом на эту волшебную поляну, Женька вошел в какое-то удивительное, доселе неведомое

состояние единения с природой, и присутствие здесь какого-то другого, постороннего человека ощущалось им как грубое нарушение гармонии.

Он даже не сразу понял, что голос был женский, точнее, девчачий. Повернувшись в ту сторону, увидел стоявшую в нескольких метрах от него высокую девочку примерно его возраста. Сначала она глядела на него серьезно, даже с тревогой, но потом не выдержала и приснула:

– Ну, шучу, шучу. А ты испугался?

Он промолчал.

– Тебя как звать-то? – спросила девочка.

Женя решил, что она похожа на Красную Шапочку из фильма, который ему тогда очень нравился. Может, потому, что на девочке тоже была шапка, только не красная, а голубая, закрывавшая волосы и уши. И вся она, эта девочка, была какая-то сказочная и, как считал тогда Лохнесс, очень красивая. Тоненькая, как тростинка, в узких брючках, заправленных в сапоги, и клетчатой рубашке с длинными рукавами.

– Жека, – он выбрал наиболее мужественный вариант своего имени.

– А я Таня Серпилина. Ты откуда взялся?

– Из Москвы приехал. А ты тоже в Сташкове живешь?

– О! – Таня поглядела на него с уважением. – Ну, надо же, и как тебя сюда угораздило добраться? Тут километров шесть от деревни будет... А я вообще-то живу в Перми, мы с родителями только на лето к бабушке приезжаем.

Помолчали. Вроде говорить уже было не о чем, но расходиться не хотелось.

– А ягоды ты все-таки не ешь больше, – сказала вдруг девочка.

– Это почему еще? – возмутился Женя.

– Плохо может стать с непривычки.

– Много ты понимаешь!..

– Дело твое, – бросила она и пошла прочь.

Остаться одному уже почему-то не хотелось, сладкое одиночество было нарушено, и Женя, сорвав еще несколько ягод, встал, потоптался на месте и вдруг бросился догонять девочку. Таня ушла недалеко, увидев его, ничего не сказала. Так и зашагали вместе по утреннему лесу.

– Вы надолго приехали? – спросила она через несколько минут.

– До конца лета, – с готовностью ответил Лохнесс, – а живем в доме у Анны Николавны, Шаниной, кажется.

– Шанькиной, – поправила Таня.

– Похоже, ты тут все знаешь?

– А то! И всех, и все. Я тебе тут многое могу показать – и лес, и реку, и озеро. Хочешь?

Женя радостно кивнул головой и подумал, что жизнь в Сташкове, возможно, будет не так уж плоха, как ему показалось сначала.

– У меня тут есть друг, – сказала Таня на следующий день, – он местный, Ваней зовут. Пошли, познакомлю.

Они отправились узкими улочками, пока не дошли до покосившегося домика почти на самом краю деревни. Таня толкнула обветшалую калитку, дети пересекли огород, занимавший почти весь участок, и поднялись на крыльцо. Не стучась, девочка потянула на себя дверь и подтолкнула Женю вперед:

– Ну чего встал? Заходи.

Обстановка внутри была еще проще, чем у Анны Николавны. За грубо сколоченным, видно самодельным, столом сидел мальчик лет тринадцати и разбирал старый приемник.

– Привет, Вань, – небрежно бросила Таня и с разбегу плюхнулась на продавленный диван, – это Женя из Москвы. Ну, помнишь, я тебе вчера говорила.

Выяснилось, что Ваня жил с отцом, матери у него не было. Жене было любопытно, что с ней случилось, однако спрашивать об этом самого Ивана он постеснялся. Проще было поинтересоваться у Тани, но та лишь пожала плечами и ответила что-то неопределенное, мол, вроде бы давно в город уехала и тут не появляется. Отец Вани работал кузнецом на полевом стане и не то чтобы был горьким пьяницей, но регулярно, раз в месяц или в два, уходил в запой на несколько дней. В такие дни Ваня старался поменьше бывать дома, хотя отец сына любил и, даже когда был пьян, старался не трогать. Но видеть отца в запое Ване все равно было тяжело: тот, как рассказывала Женьке Таня, крушил мебель, стучал кулаками по стене, что-то зло бормотал, на кого-то ругался и плакал. Видимо, так прорывались наружу желчь и боль, накопленные за годы одинокого житья.

Как это часто случается в детстве, за каких-то несколько дней новые друзья стали для Лохнесса чуть не родными. Каждое утро он начинал с того, что, проснувшись как можно раньше, наскоро завтракал и спешил прочь из дома.

– Ну куда ты так торопишься, хоть поешь нормально, – уговаривала мама, но Женьке было не до нее. Он почти бегом бежал на соседнюю улицу, где в добротном доме с верандой и свежевыкрашенной зеленой крышей жила Таня. Потом они вместе заходили за Ваней, и уже втроем отправлялись куда-нибудь гулять, по деревне, в лес или в поле. Валялись на траве, дурачились, играли в карты или просто болтали, словом, проводили время, как самые обычные дети, не знающие ни печали, ни проблем.

Особенно, конечно, любили ходить на берег Камы. Насчет реки Женя с самого начала получил строгие указания матери, что купаться без взрослых нельзя, и пообещал слушаться. Но разве можно было устоять?

На всякий случай они уходили за пару километров от деревни, туда, где река была особенно широкой. Это место называли чертовой заводью, потому что дно было илистое, вязкое. Среди местных даже ходили слухи, что какую-то девушку затянуло в ил. А Таня была уверена, что в истории с девушкой река ни при чем – та сама утопилась здесь от несчастной любви, и якобы в лунные ночи ее призрак выходит из воды и бродит по берегу. Мальчишки смеялись, но с удовольствием поддерживали этот разговор, делавший купание в чертовой заводи еще более привлекательным.

Женька плавал не слишком хорошо и потому всегда старался держаться поближе к берегу, так, чтобы всегда чувствовать ногами дно. Зато для Тани и особенно Вани никаких преград не существовало, они могли провести в реке чуть не час и нисколько не устать. В хорошую погоду друзья целыми днями пропадали на берегу Камы – купались, загорали, рассматривали проплывавшие мимо суда, а пассажирским теплоходам кричали, размахивая руками, и радовались, когда кто-то с борта махал им в ответ.

Домой Лохнесс возвращался только в сумерках, предусмотрительно оставив мокрые плавки у Ивана. Галина Евгеньевна была не слишком довольна тем, что почти не видит сына.

– Ты бы почитал что-нибудь хоть из школьной программы... Для чего мы с тобой полный чемодан книг привезли? А то ты ведь так вообще читать разучишься, – ворчала она, накладывая полную тарелку вареной картошки с квашеной капустой.

А он пропускал ее слова мимо ушей. До книг ли, когда все дни под завязку заполнены событиями, играми, приключениями и новыми, непривычными отношениями? Не до конца, лишь краем сознания Лохнесс вдруг иногда осознавал, что, кажется, влюбился, но он тут же отмахивался от этой мысли. Думать об этом не хотелось еще и потому, что ощущал он себя в центре настоящего любовного треугольника. Судя по всему, Ваня тоже питал к Тане давнюю симпатию, и она до недавних пор отвечала ему взаимностью – пока не переключила свое внимание на Женю. Ваня, впрочем, стоит отдать ему должное, не опускался до ревности или

обида на своего соперника. Лишь спустя годы, анализируя события того лета, Евгений пришел к выводу, что первая детская полувлюбленность осознавалась всеми ими скорее как теплая дружба и желание быть все время вместе, чем как проявление какого-то собственнического инстинкта.

Никогда больше ему не удалось добиться такого единения и почувствовать такое родство душ с другим человеком. Хотя они и конкурировали с Ваней за девичье сердце, а юная кокетка никому не давала определенного предпочтения. Но, как ни странно, именно такое положение дел оказалось Жеке на пользу. Он вдруг понял внезапно, что стал старше, что теперь может и должен сам оценивать свои поступки и отвечать за них. Что, как выяснилось, не так-то просто. Выбирать между дружбой и любовью – с этой задачей подчас не справляются и взрослые.

К Ване у Лохнесса было особое отношение. Несмотря на то что Таня незримо стояла между ними, новый друг вызывал какие-то непривычно трепетные эмоции. Словами Женя вряд ли бы смог объяснить, в чем было дело. Просто они смеялись над одними и теми же шутками, которые остальным могли показаться несмешными, радовались и печалились одному и тому же, и если кто предлагал что-либо, то другой, чуть поразмыслив, приходил к выводу, что ничего лучше и придумать нельзя. В общем, они идеально понимали друг друга с полуслова. Хотя не обходилось иногда и без споров и ссор, но даже размолвки были какими-то ненастоящими, оба они понимали, что нужны друг другу.

Тот день тоже начался как обычно. Женя поднялся около восьми, схватил оставшееся еще с вечера вареное яйцо и, наспех проглотив его, попытался улизнуть из дома. Однако мама отловила его на улице, вернула домой и заставила съесть немудреный сельский завтрак из яичницы и стакана молока с хлебом. Но это оказалось еще не все. Заявив, что у нее к сыну серьезный разговор, Галина Евгеньевна завела долгую речь о взрослении, обязанностях взрослого человека перед собой и близкими, ответственности, планах на будущее и прочих нудных вещах. Лохнесс сидел как на иголках, почти не слушал, только кивал и думал о ребятах, которые давно его ждут. Едва мама замолчала, он тут же поклялся: «Хорошо, мамочка, я обязательно все так и буду делать!» – и пулей вылетел за порог.

Утро выдалось пасмурным, моросил мелкий дождь, но это не смущало Таню, сидевшую на скамейке у ворот своего дома. Увидев Женю, девочка скривила недовольную гримаску.

– Чего так долго?

– Да мамка завернула. Сперва заставила завтракать, а потом стала нотации читать...

– Ну все сегодня не слава богу... И Ваньки не будет. Он утром забежал ко мне, сказал, что его отец на весь день напрог – крышу чинить. Говорит, там вот такая дырища, – она показала руками. – Похоже, весь день проваландается... Скучно будет без Ваньки... – протянула Таня, и сердце Лохнесса сжалось от ревности.

– Ну, конечно, пропадем без него, – съязвил он.

– А ты не ехидничай! – Таня пребольно пихнула его кулаком в бок. – Раз такой умный, то придумай, чем нам заняться.

Женя вдруг осознал, что впервые за все дни каникул останется с Таней наедине, вот так, чтобы никто им не мешал и все ее внимание было сконцентрировано на нем. Что-то внутри зазвенело от радости.

– Пошли погуляем? – предложил он. – Просто по деревне пройдем.

– Просто по деревне? А что там делать? Ну, дойдем до конца, до колхозных полей, а дальше? – Таня скептически скривила губу.

Женька подумал, что это очень милая гримаса, почаще бы она так делала, сразу становится очень смешной и трогательной, но вслух этого, разумеется, не сказал.

– А давай на ту сторону ходим. На кладбище.

Танины глаза загорелись, и Лохнесс понял, что попал в точку. Сам он немного боялся идти в такое мрачное место, даже днем, но теперь отступить уже было поздно. Увидев приси-

явшее Танино лицо, он понял, что отправится на кладбище, даже если все мертвецы разом повылезут из могил и набросятся на него.

– Ну, давай... – как бы неохотно согласилась девочка.

Дорога заняла с полчаса, не больше, – через мост, до края деревни, а оттуда до опушки небольшого леса. Кладбище было обнесено чугунной оградой, ребята обошли его и вошли через открытые ворота.

Дождик перестал, было тепло, но, оказавшись на кладбище, Лохнесс и Таня поежились. Там ощущалась прохлада, словно температура стала на несколько градусов ниже, чем за воротами. И еще было непривычно тихо, казалось, даже лес рядом стоял мертвый и недвижимый. Ни птиц, ни людей, только могильные камни да кресты.

Женьке вдруг нестерпимо захотелось уйти, но Таня, напротив, как будто оживилась, схватила его за руку и потащила вглубь.

«Сейчас-то что? Это ночью страшно», – уговаривал себя Лохнесс, но это не особенно помогало. Он никогда не сталкивался со смертью, если не считать книг и кино, и, признаться, несколько побаивался всего, с нею связанного.

– Где, интересно, сторож? Если увидит, может погнать, но тут, по-моему, никого нет... – пробормотала Таня. – Тут сторож злой, обычно ругается. Но сегодня его что-то не видно, – пояснила она Жене.

– А вы часто сюда ходите? – спросил Женя, неприятно удивившись.

– Да нет, от ребят слышала, – задумчиво протянула она. – А ты молодец, не побоялся сюда пойти!

Они шли мимо длинных рядов могил в глубь кладбища. Некоторые могилы выглядели ухоженными – чистые памятники с датами жизни и фотографиями умерших, на участке посажены цветы, ограда покрашена. Но большинство казались совсем запущенными – кресты покосились, надписи стерлись, венки и букеты выцвели, участки заросли бурьяном. Видно было, что никто не ухаживает за могилой. А может, и нет уже никаких родственников? А может, просто живут далеко, недосуг им сюда приезжать, обновлять краску и приносить цветы по праздникам...

На ходу ребята читали имена, обращали внимание на даты, иногда останавливались, если что-то цепляло глаз. Вот тут похоронены супруги Шанькины, похоже, родители Анны Николаевны, Женькиной хозяйки. У этого человека, умершего ровно десять лет назад, такая же фамилия, как у Таниной классной руководительницы. А эта красивая девушка с большими глазами и русой косой умерла всего в восемнадцать лет! Может, это именно она утопилась в чертовой заводи?

– А что это? – Женя указал пальцем на некое подобие скульптуры – глыбу, из которой выростала невнятная женская фигура.

– Это наша местная знаменитость, в этих местах родилась, артистка Курыгина. Играла в Пермском театре. Тут она в образе, играет кого-то, леди Макбет, вот, – прочитала Таня на табличке. – Мне про нее рассказывали, а своими глазами впервые вижу, – добавила она восхищенно.

Так, потихоньку гуляя, они сами не заметили, как забрели, видимо, в самую старую и непосещаемую часть кладбища. Тут почти все могилы были заброшены, даже дорожки заросли травой. Женин страх давно прошел, и мальчик чувствовал себя гораздо увереннее. Какое-то смутное возбуждение охватывало его, в районе солнечного сплетения будто шевелились солнечные зайчики. Таня присела на пенек и предложила:

– Давай отдохнем. А то я уже устала. Подумать только, какая тьма-тьмушая людей умерла...

Женя устроился на земле рядом с ней, ее голова была совсем близко, локоны чуть завившихся волос дотрагивались до его лица. Ему вдруг подумалось, что еще немного – и он тоже умрет, только от счастья.

А Таня, казалось, ничего не замечала и была погружена в свои мысли.

– Ты знаешь, я иногда думаю... А что будет после смерти? Как это так: я есть, есть, а потом меня бац – и нет! Не верится...

– Ничего не будет, – проговорил Женя не без важности – недаром в их троице он считался самым эрудированным, еще бы, ведь он даже «Науку и жизнь» читает! – Это как будто заснешь – и никогда не проснешься. И сны тебе сниться не будут.

– Не, я так не хочу... – замотала головой Таня, и ее волосы приятно защекотали его лицо. – Мне больше нравится думать, что *там* будет какая-то другая жизнь. Например, рай и ад. Или, я еще слышала, говорят, через некоторое время после смерти можно опять родиться. Вроде как это будешь и ты – и одновременно совсем другой, новый человек.

– Глупости все это, – возразил Лохнесс. – Просто люди боятся смерти, вот и придумывают сказки.

Таня ничего не ответила. Сорвала растущую рядом высокую травинку и задумчиво стала по очереди обрывать с нее длинные листы.

Женя некоторое время молчал, потом вдруг, поддавшись какому-то необъяснимому порыву, за который, как он чувствовал, позже ему было бы стыдно, потянулся к Тане и быстро чмокнул ее, опешившую, в губы. Что бы там ни было потом, сейчас ему просто нестерпимо захотелось это сделать.

Девочка быстро вскочила, прижала руку к губам, как будто ее ударили, и моментально залилась краской.

– Ты что это? Сдурел, что ли? – тихо прошептала она, точно у нее сел голос. Но во взгляде, кроме испуга и удивления, было и еще что-то, что-то вроде восхищения и удовольствия. Так, по крайней мере, показалось Жене.

Он тоже вскочил и виновато посмотрел на нее, Таня чуть не плакала.

– Ты прости меня, пожалуйста, мне очень захотелось это сделать, – удрученно проговорил он.

– Я была так рада, когда ты приехал!.. Нам вместе было так весело, а ты... Что ты наделал? – продолжала бормотать Таня.

– Извини, – сказал Женя растерянно. Он не думал, что Таня воспримет это как трагедию. Наивный Лохнесс был далек от мысли, что она, маленькая женщина, сейчас немного кокетничает и нарочно разыгрывает из себя оскорбленность. – А... Разве тебе было неприятно? Разве тебе не понравилось? А я думал, что девчонки...

Это было его ошибкой.

– Дурак! Идиот! Как ты мог? – крикнула она, не дослушав. Вскочила с места и побежала вперед сломя голову, не разбирая дороги.

Он со всех ног бросился за ней, надеясь исправить непоправимое, вернуть события назад, в то время, когда все было хорошо.

Они бежали быстро, задыхаясь, ветки хлестали их по лицу. С этой стороны кладбища ограды не было, густой лес уже почти наступал на могилы, на пути то и дело возникали кочки и коряги. Неожиданно нога Тани зацепилась за корень, девочка полетела на землю. Женя, бежавший за ней, не успел среагировать, наткнулся на ее ногу и тоже растянулся, упав прямо на нее. Таня попыталась отползти, а когда это не удалось, стала гневно отпихивать его кулачком.

– Пусти! Уйди!.. Дурак...

– Может, ты мне нравишься, – бормотал Женя, автоматически отражая ее атаки.

Она затихла и продолжала драться молча, стараясь пихнуть его побольнее. Он, как мог, защищался. Наконец она устала и, покрасневшая и растрепанная, привалилась спиной к росшему рядом дереву. Лохнесс сел около нее и тоже попытался отдышаться.

– Мало ли кто кому нравится, – выдохнула вдруг Таня. – Это не значит, что надо *так*! Может, мне тоже...

И замолчала. А у Женьки снова перехватило дыхание, уже не от драки, а от ее слов. Что она хотела этим сказать? Очень хотелось спросить, но он ни за что бы не решился. Это оказалось намного страшнее, чем поцеловать ее.

Так они сидели довольно долго, пока Таня не буркнула наконец:

– Пошли отсюда...

Прошло около месяца. К первым дням августа ребята уже успели несколько раз поссориться и помириться, исходить все окрестности вдоль и поперек и уже начинали скучать. Лохнесс снова стал потихоньку вспоминать старых друзей из лагеря под Звенигородом, хотя и не мог сказать, что его туда тянуло. В Сташкове все еще нравилось, хотя после их с Таней похода на кладбище Ванька стал как-то прохладнее относиться к Жене, и тот подозревал, что Таня не без гордости проболталась ему о поцелуе. Сама она, впрочем, вслух об этом не вспоминала и вела себя так, как будто ничего не произошло. «Набивает себе цену и передо мной, и перед ним», – думал Лохнесс. Случая поговорить с Ваней по душам все не представлялось, но Женья решил, что в первый же удобный момент непременно сделает это. Между друзьями не должно быть недоразумений.

Однажды около полудня они втроем лежали в тени высокой ивы на расстеленном старом покрывале, ели собранную утром чернику и вяло перекидывались в карты в «верю – не верю». Это была любимая игра Вани и Тани, а вот Женья часто в нее проигрывал, потому что никак не мог научиться обманывать партнера, глядя ему глаза в глаза.

Правда, в тот день Тане тоже не везло, она проиграла уже три раза подряд и теперь, надув губы, капризничала:

– Мальчики, давайте во что-нибудь другое...

– Продула, Серпилина, так сиди молчи, – хохотнул Ваня.

На некоторое время воцарилось молчание. Таня демонстративно рассматривала что-то в траве. Потом Ваня сказал, задумчиво глядя в карты:

– Меня вчера Кирюха чуть не поймал.

Кириллу, лидеру стайки местных мальчишек повзрослее, уже исполнилось шестнадцать. Хотя Ваня тоже был местным, с Кириллом они издавна враждовали. Ваня не считался слабым, несмотря на худобу, в нем чувствовалась сила. «Я жилистый», – говорил он про себя, но серьезно противостоять Кириллу он, конечно, не мог. А потому без крайней необходимости старался по вечерам не показываться за рекой, в той части деревни, которая считалась Кирюхиной.

– Как это? – спросила Таня.

– Отец велел Павлу, дядьке моему, остатки шифера отнести. Не мог же я батюшке сказать, что не пойду на ту сторону? Стыдно, он скажет: а ты что, трус? А времени, как назло, уже десятый час. Ну, туда-то я дошел нормально, а на обратном пути – бац! Кирюха с Семеном вдалеке показались. Увидели меня, стали орать, иди, мол, сюда, мы тебе покажем. К счастью, я уже у моста был... Как припустился со всех ног! Хорошо еще, что шифер у дядьки оставил, с ним бы мне ни в жисть не удрать. А так ничего, не догнали...

Таня только вздохнула. Лохнесс неуверенно предложил:

– Может, собрать тут ребят и проучить их?

Приятель поглядел на него с усмешкой:

– Кого ж тут соберешь? Против Кирюхи никто не пойдет – побоятся. А нам с тобой вдвоем с его кодлой не справиться.

– Но неужели ничего нельзя сделать?

– Можно было бы – давно бы сделал, – отмахнулся Ваня. – Ладно, айда, что ли, купаться? На чертову заводь?

Это уральское «айда» потом будет годами возникать в памяти Жени в самое неподходящее время...

А тогда друзья скатали покрывало и вскоре уже были на берегу. Река считалась негласным местом нейтралитета, драки и конфликты тут обычно не затевались, и сейчас, увидев компанию Кирилла, расположившуюся недалеко от чертовой заводи, Ваня только чуть скривил губы.

Ребята осторожно обошли их и, быстро раздевшись и кинув вещи на траву, побежали в воду. Плавали, плескались в свое удовольствие, а устав, выбрались на берег и устроились сушиться все на том же многострадальном покрывале.

С купанием они поспели вовремя – погода начала портиться. Посвежело, небо стало затягивать облаками. Но уходить компания не торопилась. Дождя, может, и не будет. А пока так хорошо сидеть втроем на берегу, поглядывая на реку. Даже сидевшие неподалеку Кирюха со своей бандой не были помехой.

И тут, видно, сам черт выбрался из своей заводи и дернул Лохнесса за язык:

– Интересно, а можно ли переплыть Каму?

– Чего ж нельзя, можно, – отвечал Ваня. – Мужики частенько переплывают, кто из озорства, кто по пьяни, кто как. Кирюха вроде бы переплывал... Но я сам не видел, врать не буду.

Женя поглядел на противоположный берег и невольно поежился: высокий и почти отвесный, даже уцепиться не за что, не говоря о том, чтобы вылезти.

– А... А как же они?..

– А вот так. Доплывут, рукой коснутся – и назад.

– Это получается – дважды подряд Каму переплывают?

– Получается так, – Ваня картинно сплюнул, и Женька в который уж раз за лето позавидовал другу – у него, сколько ни тренировался, никак не получалось плевать столь эффектно.

– Да ну, – покривился Женя, – мне кажется, что это глупо, так рисковать... Тем более течение тут сильное.

– Это да, – признал Ваня. – Однако плавают.

– Нам это точно не под силу.

Ваня покосился на Таню, которая со скучающим видом чистила палочкой ногти и не принимала участия в разговоре.

– Говори за себя, – сказал он, как показалось Жене, презрительно.

Лохнессу стало неприятно. Да, он был худым, болезненным и слабым и плавал не слишком хорошо. Но тыкать его в это носом, да еще при Тане, – это было со стороны друга некрасиво.

– Я уверен, никому из нас не удалось бы переплыть Каму туда и обратно, – нехотя повторил Женя, особо напирая на слово «никому» и уже понимая, что разговор идет куда-то не туда.

– То есть тебе слабо? – вызывающе продолжал Ваня. В его голосе появились неприятные звенящие нотки.

– Я думаю, это и тебе слабо.

– Подожди, ты на мой вопрос ответь. То есть ты сдрейфил? – не унимался Ваня. – Тебе слабо?

– Я не дурак и на слабо не ловлюсь, – Лохнесс только сейчас понял, в чем дело. Похоже, Ваньку все это время мучило их негласное соперничество за Таню, в котором до сих пор лидировал Женька. Еще бы – городской, да еще москвич, начитанный, знающий столько интересного... А сейчас представился случай сравнять счет, и он такой возможности ни за что не упустит, покажет себя в том, в чем он силен.

– Ты, может, боишься? – продолжал Ваня. – Спорим, что можно переплыть? А тебе слабо!

Таня не поднимала головы.

– Воображаешь! – Женя наконец разозлился. – Я вот не могу переплыть – и так и говорю, ничего из себя не строю.

В душе вдруг шевельнулась нехорошая идея. А что, если проучить Ваню? Слишком он уж задается! От старших ребят бегают и не стесняются в этом признаться, а тут почему-то ставит себя выше Жени. Можно подумать – он сам сумеет переплыть Каму! Да нереально это! Слишком далеко. А болтать языком – много ума не надо...

– Думаешь, я выпендриваюсь? – приятель точно прочел его мысли. – А спорим – переплыть?

Ваня, всегда такой доброжелательный, с мягкой усмешкой и ироничным взглядом прозрачных серых глаз, теперь сидел напротив Жени, нахохлившись, точно разозлившийся молодой петушок, и в глазах его была злоба и готовность принять вызов.

– На что спорим? – задумчиво спросил Женя. Сколько раз потом он так отчаянно корил себя за этот идиотский спор и за свою так некстати разыгравшую гордость... Но вернуть уже ничего было нельзя.

– Ну, если я переплыть, то ты неделю не будешь с нами ходить.

Женя взглянул на Таню, она в замешательстве отвела взгляд. И он понял, что обратного хода нет.

– Идет. Только захочу ли я с вами общаться потом – это еще вопрос.

– Ну, это твоё дело, – процедил Ваня сквозь зубы.

Когда Ванька поднялся, Таня поняла, что они не шутят, и запоздало испугалась. Схватила Ивана за руку и закричала:

– Не надо, это опасно, ты что, идиот? Прекратите!

Ваня, казалось, заколебался, но тут в их разговор встрял еще один человек.

Боковым зрением Женя заметил, что за ними с интересом наблюдает Кирюха. С того места, где сидела его компания, их разговор был слышен, по крайней мере, та его часть, которая проходила на повышенных тонах.

– Я всегда говорил, что ты, Ванек, ссыкло, – громко сказал Кирилл и пренебрежительно сплюнул между ног. Бывшие с ним ребята заржали. Подколки и оскорбительные комментарии посыпались наперебой.

И Ваня, не глядя на них, двинулся к воде.

– Не обращай внимания! – взмолилась ему вслед Таня. Видно было, что она не на шутку испугалась. Женя тоже чувствовал себя крайне неудобно. Он понимал, что дело принимает серьезный оборот, и осознавал – друга необходимо остановить. Но в то же время ему, как выражалась мама, шлея попала под хвост. Хотелось убедиться, что Ваня действительно сделает то, о чем говорил. И он молчал, не двигаясь с места.

А Ваня уже по колено зашел в Каму. Таня бежала за ним и упрашивала:

– Не надо, Вань, ну пожалуйста! А вдруг ногу сведет?

– С чего это вдруг? – отвечал тот, не поворачиваясь. – Никогда вроде не сводило.

– Да что это вы вообще придумали? Два дурака!..

– С того, что некоторые маменькины сынки всего боятся. Пусть знают, – Ваня старался говорить спокойно и равнодушно. И вроде бы негромко, но так, чтобы Лохнесс все слышал.

Когда он был уже по пояс в воде, Таня пустила в ход последний козырь:

– Ванечка, ну не делай этого, очень прошу! Ну, ради меня!

Бедная Таня! Как многие, она была уверена в своей исключительности и наивно полагала, что уж ради нее любой будет готов на все... Однако Ваня просто-напросто проигнорировал ее слова. Он повернулся к берегу и произнес громко, так, чтобы донеслось до Кирюхи с компанией:

– Доплыву дотуда, дотронусь до кручи, и назад. – И добавил, обращаясь к Женьке: – Помни, ты обещал с нами не общаться. Неделю не вздумай припираться, а то будешь брехлом.

Сделал еще несколько шагов, сложил ладони лодочкой, прыгнул вперед и поплыл саженками. Кирюха и его кодла издевательски захлопали.

– Не доплывет! Да где ему! Сдохнет скоро да назад приползет! – зазвучало с той стороны.

Таня, обняв себя за плечи и склонив голову, вернулась на берег. Демонстративно села на самый краешек покрывала, отвернулась и стала глядеть на реку, следя за движением Вани.

Лохнесс чувствовал себя преотвратно. Нет, в тот момент он еще не догадывался, *что* может случиться, и просто размышлял над тем, что проиграл и оказался в глупой ситуации. Теперь ему придется быть одному, скорее всего, если никто не придет мириться до конца каникул... Он смотрел то на водную гладь, по которой быстро удалялась, становясь все меньше и меньше, голова Вани, почему-то казавшаяся черной, хотя волосы у него были русыми. Затем перевел взгляд на небо, на сгустившиеся тучи.

– Скоро ливанет, – проговорил Женя.

Таня не ответила. Он заметил, что ее голые руки и ноги покрылись «гусиной кожей».

– Холодно ведь, – продолжил он. – Оделась бы...

Никакой реакции.

Ветер усилился, на макушку упала тяжелая капля, потом вторая, и еще... Начался дождь, но никто не обратил на него внимания.

Неожиданно для Лохнесса Кирюха поднялся, подошел поближе, остановился в некотором отдалении от Тани и Жени и присел на землю, вглядываясь в воду. Друзья последовали за ним.

– Кама – это ничего, – сказал он, вроде как ни к кому не обращаясь. – Мне батя рассказывал, они и Волгу переплывали, когда он в армии был, под Самарой...

– Доплыл! – закричала Таня. – Смотрите!

В ее призыве не было нужды – все и так, не отрываясь, следили за перемещениями маленького пловца. И видели, как Ваня достиг противоположного берега, обернулся назад, сделав что-то вроде приветственного движения рукой, дотронулся до куста, росшего на берегу, передохнул немного и двинулся назад.

Прямо над головами сверкнула молния, почти тут же грохнул мощный раскат грома. Сразу же полил сильный дождь, забарабанил по водной глади, мешая видеть то, что происходит в реке. Все ребята уже вымокли до нитки, но никто и не подумал уходить.

Ваня был уже посередине реки, на полпути обратно, когда что-то случилось, Женя так и не понял, что именно, было слишком далеко. Голова Вани вдруг как-то странно дернулась и исчезла под водой, но тут же появилась вновь, рука бессильно выкинулась вверх. Ваня стал тонуть.

На берегу не сразу осознали, что происходит. Первой опомнилась Таня, протяжно закричала, и от ее крика почему-то у всех кровь застыла в жилах. Кирилл и его друзья переглядывались, но через пару секунд замешательство прошло, и они, не раздеваясь, бросились в воду, Кирюха первый, остальные за ним. Женя как зачарованный наблюдал, как медленно, невыносимо медленно плыли ребята, хотя старались изо всех сил, как голова Вани то возникала над водой, то вновь исчезала. А еще этот проклятый дождь...

Лохнесс точно впал в ступор, из которого его вывел резкий толчок Тани. Он пролепетал:

– Что делать?

– Что делать? – передразнила она. – Делай что угодно, только не стоять столбом, идиот! Это из-за нас он полез в воду, из-за тебя, это ты во всем виноват!

«Ты во всем виноват». Дорого бы Женя отдал за то, чтобы никогда этого не слышать...

– Бежим в деревню! – кричала тем временем девочка. – Надо позвать на помощь, пока не поздно!

И он бросился за ней. Бежать во время грозы оказалось тяжело, дорогу развезло, сандалии увязали в грязи, страшно громыхал гром, и молнии, казалось, норовили ударить прямо в мчащиеся по тропинке вдоль берега маленькие фигурки. Вскоре Женя выдохся, дыхание перехватило, невыносимо закололо в боку. Таня убежала далеко вперед, а он, поскользнувшись, упал на грязную мокрую траву и заплакал от отчаяния и бессилия...

Что было дальше, Лохнесс не помнил. Он точно впал в тяжелый сон и очнулся только на следующий день, в собственной кровати. Привычной утренней бодрости не ощущалось, наоборот, он с трудом вынырнул из ватного сна и в первый момент не смог понять, где находится. То, что произошло вчера, показалось сном, и первой мыслью было как можно скорее пойти завтракать, чтобы потом найти Таню и Ваню и рассказать им, какой странный сон ему приснился... Женя огляделся, мамина кровать была застелена. Солнце стояло уже высоко, заливало ровным светом всю комнату.

«Уже поздно», – подумал Лохнесс, и тут сознание его начало потихоньку проясняться. Ваню спасли? Или?.. Нет, такого не может быть! Конечно, Ваню спасли.

Он все не мог решить, что ему делать, то ли встать, то ли оставаться в постели. Как он вообще здесь очутился? Последнее, что он помнил, – это берег реки...

Все-таки поднявшись, Женька на цыпочках подошел к двери. Из комнаты хозяйки доносились голоса.

– ...лучше будет уехать, – говорила мама. Судя по голосу, она только что перестала плакать.

– А чего уезжать, уплотнено ж уже, – отвечала хозяйка таким тоном, что стало ясно: если они и уедут, денег она не отдаст.

– Думаю, ребенку будет тяжело тут... Все постоянно будет напоминать о трагедии.

Трагедии! Женя так и замер.

– Да ребячья-то память короткая. Погорюет и перестанет, – вяло возражала Анна Николаевна. – Оно, конечно, жаль парнишку. Понесла ж его нелегкая... И Витьку жаль, отца его, сопьется теперь вконец. Если только баба какая не подберет. А оно, может, и сладится... Так-то он ничего мужик, не злой, рукастый. Опять же без багажа остался...

– А что мать Вани, она умерла?

– Верка-то? Да жива вроде. Только она уже, почитай, лет восемь как в город подалась.

– В Пермь?

– А кто же ее знает? С тех пор ни слуху ни духу.

Женщины за дверью замолчали, мальчик переступил с ноги на ногу и уже собирался пойти к ним, как хозяйка вдруг проговорила со злорадством в голосе:

– В деревне говорят – это твой пацан Ваньку подначивал Каму переплыть.

– Да вы что? Как это – подначивал? – мамины слова прозвучали сдавленно, точно у нее перехватило горло.

– Да вроде как говорил, что Ваня слабак и ему не переплыть ни в жизни. А тот как будто не хотел плыть, да заершился...

– Да быть такого не может! Не верю! – разгорячилась мама. – Вот проснется, я у него спрошу... Но я и так знаю, что это неправда... Чтобы мой Женька!..

– Я-то чего, я тебе верю... – фальшиво посочувствовала хозяйка. – Да люди говорят, а на чужой роток, всяко, не накинешь платок... Лишь бы до милиции разговоры не дошли...

«До милиции!» Женя так и замер на месте. Весь ужас происшедшего вдруг навалился на него, как тяжелая могильная плита. Вдруг стало трудно дышать, он, согнувшись, еле добрал до кровати и повалился на нее.

Ваня мертв. Его друг утонул в этой проклятой Каме... Но это еще полбеды. Беда в том, что теперь все, включая Таню, будут смотреть на него, Лохнесса, как на виновника Ваниной смерти. Да, он ни при чем, да, никто не знал, что так получится, но разве же это оправдание? И

разве это оправдание для него самого? Вспомнились глаза Тани, смотревшие на него так, что он сам предпочел бы умереть в тот момент. И мальчик взвыл от боли, заметался по постели, но тут же, испугавшись, что его услышат, заставил себя замолчать.

Ему вдруг очень сильно захотелось исчезнуть, скрыться куда-нибудь, только чтобы никогда больше не показываться на глаза ни одной живой душе, не видеть обращенных на него взглядов. Как это сделать, он совершенно не представлял. Но делать что-то было надо.

Женька торопливо оделся и направился было к выходу, но внезапно услышал чьи-то шаги под окном и стук во входную дверь. «За мной пришли! – почему-то подумал он. – Из милиции! Меня арестуют за то, что я виноват в смерти Вани!»

Времени на раздумья не было. В сени нельзя, а сюда вот-вот выйдут хозяйка с мамой. Оставалось окно в задней комнате. Он тенью метнулся туда, толкнул тяжелую дверь, молясь про себя, чтобы она была открыта. Дверь поддалась. В комнате оказалось темно, пахло затхлостью и пылью, единственное окно, ведущее на задний двор, завешено грубыми занавесками. Он схватился за раму, судорожно ее дергая и пытаясь открыть. Окном, видимо, давно не пользовались, краска присохла и не хотела поддаваться. Наконец раздался треск, створка приоткрылась, и в комнату ворвался свежий воздух. Женя вскочил на подоконник, спрыгнул в огород и бросился на улицу. Он бежал к реке, а мимо шли люди, которые, как ему казалось, все пристально смотрели на него, потому что знали, что это он убил своего друга. Это было совсем уж невыносимо!

Наконец Лохнесс очутился там, куда стремился. Вдали показался дебаркадер, недавно покрашенный бирюзовой краской, – место, которое в деревне именовали пристанью. Сколько раз они бывали тут вдвоем!..

«Только бы никого не встретить из знакомых», – подумал он.

У кассы толкался народ, сновали туда-сюда старики с огромными, чем-то резко пахнущими рюкзаками, бабки с набитыми сумками, молодые парни, семьи с детьми. Очевидно, скоро должна была подойти «Ракета».

Он остановился в стороне, шумно переводя дыхание.

«И что тут стою, все равно билет не на что купить», – пронеслось в голове. Куда и зачем ехать, он даже не думал. Главное – подальше от Сташкова. А для этого нужно попасть внутрь «Ракеты». Женька выпотрошил карманы, но нашлись только одна копейка и смятый фантик.

Минут через десять и впрямь показалась «Ракета», пришвартовалась у причала. Народ стал кучковаться поближе к трапу, рябой мужичок в кургузой куртке проверял билеты. Лохнесс, у которого уже созрел план, вертелся неподалеку. И после того, когда последний пассажир вошел на борт, а мужичок с рыжим матросом убрали трап и направились к швартовам, Женя напрягся, как сжатая пружина, и прыгнул... Но до палубы не долетел, лишь коснулся борта и соскользнул вниз, в неожиданно холодную воду.

У причала оказалось очень глубоко, и от испуга мальчик тут же пошел бы ко дну, если бы за ним не прыгнул все тот же рябой мужичок. Матерясь на чем свет стоит, он пребольно ухватил Женькины отросшие за лето вихры и вытащил на берег.

Потом была суматоха. Когда поняли, что угрозы его жизни нет, Женьке влетело со всех сторон, не только ругали, но и подзатыльников отвесили. Прибежали мама и Анна Николавна, кричали, плакали – но все это было как в тумане. В памяти остались только слова, которые произнес с ухмылкой рыжий матрос: «Кому на роду писано быть повешенным, тот не утонет».

На завтра чемоданы были уже собраны, уезжали на самой первой «Ракете», в шесть тридцать.

Женя и сам не знал, хочет ли он увидеть Таню, или духу ему не хватит посмотреть ей в глаза. Но когда оставалось полчаса до отъезда и мама в спешке запаковывала деревенские гостинцы, на которые вдруг расщедрилась хозяйка, какие-то сушеные грибы и банки с варе-

нем, Женя, выйдя на улицу, увидел у калитки Таню. Девочка подошла к нему и спокойно проговорила:

– На похороны, значит, не придешь.

– Ну вот, не получится, значит, – прошептал он, ком подкатил к горлу. – Мама настаивает, чтобы мы непременно сегодня уехали.

– Я слышала, тебя вчера на пристани выловили, – по ее лицу пробежала тень, но так быстро, что Женя даже не понял, как Таня относится к его поступку.

Так они стояли и молчали, не зная, что еще сказать друг другу.

– Как ты? – спросил он наконец, не зная, насколько это будет уместно.

– Да нормально вроде, – она пожала плечами.

– А похороны когда?

– Завтра.

Они еще помолчали некоторое время, потом она неожиданно заговорила, очень быстро, путаясь в словах:

– Когда его достали, он уже мертвый был. Кирюха говорит, не хватался даже, а это плохой знак... Но они, конечно, пытались, это, как его, искусственное дыхание... А «Скорая» только через час приехала. И милиция... Нас всех допрашивали, и меня тоже.

– А я? – тихо спросил он и тут же испугался, что Таня неправильно поймет вопрос, но она ответила именно то, что было нужно:

– А тебя потом хватились, стали искать, еле нашли на берегу. Ты как без сознания был. Хотели даже в больницу вести, но доктор посмотрела, укол сделала и сказала, что не надо, лучше дома...

И вдруг, без всякого перехода:

– Знаешь, что в этом во всем самое жуткое? Глаза его отца. Никогда в жизни ничего страшнее не видела... И плохо, что он не пьет сейчас, все боятся, что руки на себя наложит...

– Ты мне оставишь свой адрес? – спросил Женя.

– Зачем? – Она пожала плечами, но, не дав ответить, тут же достала из кармана листок и всучила Жене. Ясно – заранее заготовила. А потом, не прощаясь, повернулась и вышла со двора. И он подумал, глядя ей в спину, что вряд ли они когда-нибудь напишут друг другу хоть пару строк.

Вышло, впрочем, иначе. Уже в сентябре Женя, сам не зная почему, написал Тане длинное письмо. О школе, о друзьях, о секции борьбы, в которую записался, о фильме, который видел в кинотеатре. Но ни слова о Ване.

Таня не ответила. Он разозлился, написал еще и еще, но ответа так и не получил. И тогда Лохнесс решил, что больше писать не будет, но, когда вырастет, обязательно найдет Таню, придет к ней и, глядя в глаза, спросит, почему же она не отвечала на его письма. Разумеется, ничего подобного не произошло.

А в то утро они с мамой взяли свои чемоданы и отправились на пристань, чтобы уехать и никогда больше не возвращаться в эту деревню.

Когда они садились в «Ракету», то встретились с соседкой Тани, высокой старухой в ярко-зеленом платке. Она внимательно посмотрела на Женю, пожевала губами и отвернулась.

«Она тоже, конечно, все знает. Она, может, хотела бы плюнуть мне в лицо, но стесняется мамы», – почему-то решил он. Воздуха вдруг стало не хватать, и он не пошел в салон, а бросился на корму, схватился за поручень и стоял там до самого отплытия. К его удивлению, мама за ним не пошла.

Наконец судно отчалило. Лохнесс не двинулся с места, все стоял и смотрел вниз на бурлящие водные дорожки, оставляемые водометами на глади реки. В голове не было никаких мыслей.

Вдруг кто-то тронул его за плечо. Он вздрогнул и нехотя обернулся. Рядом стояла мама. На лице ее отразилась многодневная усталость, она как будто постарела лет на пять, сеточка морщин поселилась рядом с еще молодыми глазами. Она слабо улыбнулась, взяла Женю за плечо и обняла.

– Нам обоим лучше забыть. И жить дальше, – сказала она.

– Я не смогу, – хмуро ответил Женя, вырываясь из объятий.

– Сможешь. Время пройдет, и сможешь. Ты ведь ни в чем не виноват, запомни это, что бы ни твердил хоть весь остальной мир. Я знаю. Ты любил его.

Лохнесс ничего не ответил. Она нагнулась к нему и прошептала:

– Он научил тебя ценить жизнь еще сильнее. Запомни это навсегда. И проживи ее так, чтобы не было стыдно, проживи за двоих, если сможешь.

Он поднял заплаканное лицо и ответил:

– Я постараюсь.

После этого мама отвезла его на дачу к подруге, и через некоторое время воспоминания о том, что случилось в Сташкове... нет, не исчезли, но поблекли, стали менее болезненными и яркими.

А осенью он пошел в школу и окунулся в новые проблемы.

* * *

Потом, взрослея, он часто думал: а вот этого Ванька никогда не увидит, а вот здесь никогда не побывает. При этом ему всегда становилось грустно. И еще огромное потрясение Женя испытал, когда прочитал «Жизнь Клима Самгина». Его поразило, как похожа пережитая им драма на описанную Горьким сцену гибели Бориса. «Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?..»¹

Сейчас, ночью, сидя на заваленной снегом скамейке, он, еще молодой, но абсолютно сломленный человек, понял вдруг, что мальчик не только был, но и оказался счастливее его. Ваня навсегда остался в беззаботном детстве, где дружба до гроба, радость на всех, веселье до колот. Эта мысль поразила до глубины души.

«Зачем жить? – думал Крутилин. – Чтобы зарабатывать, тратить, разочаровываться в друзьях, в любимых? А потом умереть? И зачем все это и кому это надо? Как невыносимо на душе... И с этим теперь жить?..» Мысли становились тяжелыми. Надо было что-то делать, и решение созрело.

Он поднялся и тяжелой неровной походкой направился к дороге. «Только бы повезло, только бы повезло», – приговаривал он про себя.

Машин на бульваре в это время было уже не слишком много, сбавлять ход при виде голосующего Лохнесса они не спешили. А те водители, которые все же останавливались, услышав, куда ехать, отрицательно качали головами и жали на газ. Даже «гости столицы» с Кавказа или Средней Азии, обычно готовые везти куда угодно, лишь бы хорошо заплатили и показали дорогу.

Когда рядом тормознул старый «Додж» с кузовом «универсал», Евгений уже успел порядком замерзнуть. Водитель, бородатый мужчина лет пятидесяти с зажатой в зубах сигарой, сначала просто удивился:

– Куда?! Ночь на улице, какое за город!

Но Крутилин вцепился в него мертвой хваткой:

– Я тебе заплачу. Много. Очень много, – он стал вытаскивать из бумажника деньги.

Водитель посмотрел на него, на деньги, снова на него.

---

¹ Горький М. Жизнь Клима Самгина. – М., 1987. С. 111 (ч. 1.).

– Ладно, черт с тобой, садись.

– Мы туда за час доедем, я ручаюсь, – Крутилин не верил своей удаче. – Я тебя не обижу. Бумажник весь твой.

– За час не доедем, а за полтора доберемся, – пробасил бородатый. – Я те места знаю. Только, чур, деньги вперед. Бумажник, так и быть, себе оставь, а деньги я возьму.

Крутилин вынул все имеющиеся купюры:

– Держи.

Бородатый дал по газам.

Теплое нутро автомобиля обволокло Лохнесса, и он, привалившись виском к двери, мерно покачивался ей в такт.

– Музыку включить? – спросил бородатый.

Евгений не ответил.

* * *

В начале августа 1995 года Лохнесс с двумя приятелями махнул отдыхать в Крым. Ему было двадцать четыре года, он уже владел своим бизнесом, заработал первые в жизни «солидные» деньги и жаждал развлечений и приключений.

В тот день они поднялись на одну из красивейших крымских гор – Ай-Петри. Полюбовались открывавшимися сверху видами и, объевшись тяжелой восточной еды в ресторане на вершине, довольные и усталые, решили, что пора идти обратно. Шагали весело, спускаться по петляющей дороге, с поворотами на сто восемьдесят градусов, прозванными в народе «тещины языки», было куда проще, чем взбираться.

Они дошли до знаменитой Серебряной беседки и остановились, чтобы сфотографироваться на ее фоне. Внезапно послышался шум мотора, и из-за поворота показалась машина. Она остановилась недалеко от ребят, прямо напротив крутого обрыва. Из автомобиля опрометью выскочила девушка в белом платье и скрылась за соседними кустами. Очевидно, ей стало плохо за время путешествия, резкие изгибы дороги и перепады давления часто играли такие злые шутки с непривычными туристами.

Сам не зная почему, Женя обратил внимание на машину. За рулем зеленых «Жигулей», крепко в него вцепившись, сидела еще одна девушка, бледная, с каким-то отстраненным и пустым взглядом. Взгляд этот Лохнессу не понравился. «Наркоманка, что ли?» – подумал он и поспешил отвернуться.

В это время из-за кустов показалась первая девушка, и парни наперебой принялись заигрывать с ней: она оказалась очень симпатичной и к тому же здорово была смущена произошедшей с ней неприятностью.

Женя не отставал от приятелей и уже забыл про вторую девушку, сидевшую в машине, когда услышал звук, из-за которого весь покрылся мурашками. Это был шорох шин по гравию. Он медленно обернулся и увидел, как автомобиль, набирая ход, приблизился к краю обрыва... Бампер мелькнул в воздухе, и через мгновение где-то внизу раздался жуткий грохот и скрежет, а следом за ним – звук взрыва. Ребята ошеломленно застыли на месте, потом бросились к краю пропасти и увидели полыхавшую огнем грудку железа.

Это происшествие всколыхнуло обычно беззаботных курортников и породило много слухов, еще долго будораживших Южный берег Крыма. Говорили, что тормоза были неисправными, что у водительницы случился сердечный приступ, даже высказывалось предположение, что она просто заснула за рулем.

Но, пожалуй, только Женя знал, что это не так. Еще долго он вспоминал пустой взгляд той девушки. Теперь он был уверен, что девушка не наркоманка, она находилась в полном сознании, когда машина начала скатываться с горы. Она нарочно так сидела и ничего не предпри-

нимала, не нажимала на тормоз, не звала на помощь, просто позволила событиям произойти так, как они произошли. Получается, они с друзьями были невольными свидетелями настоящего самоубийства. Ее подруга тогда плакала, билась в истерике и утверждала, что не знает, почему так произошло, что ничего не предвещало беды, но Женя ей не поверил, он ведь видел те отчаявшиеся глаза. Такие глаза бывают на перепутье. На полпути между жизнью и смертью.

* * *

Сейчас, в снежную рождественскую ночь, Лохнесс вспомнил ту девушку в Крыму и понял, что принял единственно правильное решение в своей жизни, которое по-настоящему что-то изменит. Сколько он пытался до этого? Сколько играл с фортуной, боролся, падал, снова вставал, но пришел момент, когда надо признать: у него не получилось. Признать и сделать выводы.

Жить ему больше незачем. То, что было дорого, он потерял в одночасье. Мамы уже нет, стыдно ни перед кем не будет. Кто у него еще остался из близких? Никого. Со своим отцом он незнаком вообще, тот горевать не станет, даже если и узнает. Что уж тут говорить... А про жен, теперь уже бывших, и думать не хочется.

Получается, никто не будет плакать по Лохнессу. Может, и не вспомнят, что он, такой, вообще жил на свете. «А был ли мальчик-то?»

По идее, уйти можно разными способами. Повеситься, отравиться, выброситься из окна, застрелиться (жаль, не из чего), прыгнуть с моста в реку... Ну, пусть не в реку, сейчас зима, но на автостраду или на железную дорогу. Однако все варианты один за другим Женя отмел. Что-то очень мучительно, слишком неэстетично, а бросаясь, например, под поезд, ты волей-неволей делаешь причиной своей гибели постороннего ни в чем не повинного человека. Смерть все же – дело интимное. Поэтому он и ехал сейчас на дачу, туда, где было его последнее пристанище, не оскверненное ничьим предательством и связанное лишь со светлой памятью мамы. Она купила участок, хотя и влезла в жуткие долги, на следующий год после лета в Сташкове, ездила туда при любой возможности, а выйдя на пенсию, и вовсе проводила там время с апреля до поздней осени.

С тех пор, как она заболела, дом так и стоял законсервированным. Лохнесс с женами предпочитал ездить в отпуск за границу, а если и отдыхал в России, то исключительно где-нибудь на элитных турбазах.

Теперь он радовался, что после маминой смерти не продал дом. Там есть газ, печка. Можно разжечь печку и не открывать заслонку, тогда он к утру обязательно угорит. И никто и не подумает на самоубийство, по крайней мере, доказательств не будет. Пьяный человек, поспорил с женой, поехал на дачу и забыл отодвинуть заслонку. Случается.

В конце концов, он сделает, как та девушка в автомобиле, – просто зажжет огонь и не будет ничего предпринимать. Он вдруг понял, что всегда подсознательно восхищался ее силой духа. А сейчас с легкостью может сам поступить так же.

«Легко быть сильным, когда нечего больше терять», – горько подумал он.

Итак, решено, он покончит с собой. И все будут счастливы. Карина получит Марину. Марина получит квартиру, джип, и хотя их, может, и отберут за долги, но Карина не даст ей умереть с голоду, поделится.

Вика. Вот Вика, пожалуй, расстроится... Но хватит уже о других думать, он все время о них думал, сначала о Карине, потом о Марине, и ничем хорошим это не закончилось. А Вика... Может, расстроится она лишь потому, что потеряет работу. Надо искать новую, а в условиях кризиса это непросто. Сколько таких, как она, помощников руководителя на улице оказалось? Но ничего, она справится... Она умница... Вика...

– Эй, камрад, просыпайся!

Женька открыл глаза. Как это он ухитрился заснуть?

– Что, уже приехали?

– Приехали, – пророкотал бородатый, – мать его так! Почти на тот свет.

– Уже?.. – не понял Женька.

– Не знаю, как насчет «уже», но дальше дороги нет.

Крутилин поднял голову и посмотрел через переднее стекло. Свет фар упирался в преграду – поперек дороги лежало большое дерево.

– О господи, где это мы?

– Как где? Да на пути к твоей деревушке. Я, как положено, сразу за постом ГИБДД свернул с шоссе на проселочную дорогу – а тут на тебе здасьте! Чуть шею себе не сломали. Хорошо, что я скорость здесь сбавил, – бородатый был уже без сигары.

Лохнесс попытался разобраться, где они находятся, но из машины ничего не было видно. Тогда он вышел и огляделся. С одной стороны дороги глухой стеной стоял лес, и было слышно, как гудит в верхушках ветер и деревья, отвечая ему, скрипят и постанывают.

По другой стороне, немного поодаль, тянулось кладбище. В ярком свете месяца легко угадывались кресты, а почти у самой дороги чернела какая-то страшная, непонятной формы, громада. Только через некоторое время Евгений наконец понял, что это такое – руины старой разрушенной церкви.

Не думая ни о чем, повинувшись невесте откуда взявшемуся необъяснимому импульсу, он двинулся в ту сторону, не обращая внимания на доносящееся сзади: «Эй, камрад, ты куда?» Идти оказалось совсем недалеко.

Даже в таком полуразрушенном состоянии церковь выглядела величественно и поражала своими размерами. Вблизи благодаря лунному свету и блестящему полотну снега можно было рассмотреть все детали, вплоть до надписей и граффити, которыми были расписаны и уцелевшие куски стен. Жалкие останки церковной ограды напоминали, что здесь когда-то был богатый приход, а значит, много деревень вокруг. Два-три завитка пропавшего навсегда узора решетки торчали из разрушенных столбов ограды. Сверху, покачиваясь на железной арматуре, сиротливо свисали намертво слипшиеся огрызки кирпичной кладки. А на куполе, вернее, на том, что от него осталось, каким-то чудом держался ангел. Ангел с одним крылом. Очевидно, когда-то он держал в руках крест, венчавший церковь. Где теперь тот крест?.. Так и парил облезлый ангел, прижимая к груди два сжатых кулачка...

Лохнесс остановился, сраженный тем странным ощущением, которое вдруг захватило его целиком. Это открывшееся ему в рождественскую ночь видение он воспринял как знак свыше.

«Я сам как вот эта церковь... – пробормотал он. – Я еще жив – но я уже умер...»

И тут же почувствовал, что ошибается. Несмотря на заброшенное состояние, в храме не было и намека на умирание. Наоборот – весь его гордый и все еще полный достоинства вид словно призывал к жизни, заставлял продолжать существование и бороться, несмотря ни на что.

Женя почувствовал, как перехватило горло и слезы подступили к глазам. Что это? Он ехал, нет, он бежал, чтобы на маминой даче подвести черту. Он рвался к смерти как к избавлению от всех проблем, как к возвращению к покою. И вдруг само место покоя – церковь и кладбище – остановило этот бег. Струна, натянутая до предела, лопнула. Полный банкрот – как в бизнесе, так и в личной жизни – Евгений Крутилин сел в сугроб и завыл.

– Эй, камрад, ты че, че?.. – подбежал к нему бородатый.

Женька рыдал, закрыв лицо руками.

– Ну правда, чего ты? – Бородатый опустил рядом с ним на корточки, неловко обнял за плечи, пытаясь заглянуть в лицо. – Случилось что, да?.. Тебе очень надо было?.. Там чего – на даче-то? Мать, что ли, ждет?

– Нет матери... – мотнул головой Лохнесс. – Умерла. Там больше никого нет.

– Ну а раз никого, чего туда торопиться-то? – резонно заметил бородатый. – Видишь, нам дорогу самим не очистить, здесь трактор нужен. Так что, может, обратно поедем?..

Бородатый говорил с ним участливо и осторожно, как с ребенком или больным.

– Извини, старик, – Женя поднялся. – Давай обратно... В Москву.

– Правильно, в Москву... обратно. – Бородатый засеменил к машине, то и дело оглядываясь, идет ли за ним Евгений. Усадив наконец своего непутевого пассажира, и сам сел за руль, включил зажигание, дал задний ход, развернулся и пулей рванул в сторону города.

– Ты только это... – попросил Лохнесс.

Водитель с тревогой обернулся – что еще?

– Скажи, как это место называется... Знаешь?

– А чего ж не знать? Рождественское это. Тут до дачи твоей километров пятнадцать, не больше, если по прямой, через лес...

Обратно ехали под неумолчный говор бородатого. Он перечислил всех своих родных – теток, дядек, шуринов и племянников, проживающих в этих краях, поведал Крутилину краткую историю своей жизни, рассказал, как он солит грибы да как надо правильно закидывать удочку. Словом, всячески пытался отвлечь своего ночного пассажира от грустных дум.

– У тебя сколько детей? – спросил бородатый.

– Детей... – Крутилин понемногу приходил в себя. – Нет у меня детей.

– А у меня двое. Девчонки, – бородатый заулыбался. – Хочу еще одного. Но чтоб парень. Я своей так и сказал.

– А она?

– А что она? Хихикает. Ты, говорит, брак гонишь, а мне отдуваться... – Бородатый громко засмеялся. – А ты давай, парень, детей заводи. Они по-другому заставляют на жизнь смотреть.

– Это как по-другому?

– А так. Ты начинаешь не для себя жить, а для них. Смысл в жизни появляется.

Когда они въехали в Москву, был первый час ночи.

* * *

У Автозаводского моста Крутилин вышел. Здесь, в одном из безликих старых домов, жила Вика. Вика... Слабый тонкий стебелек с огромными серыми глазами.

«Ви-ка», – он тихо произнес, как бы пробуя на язык это новое для него и такое знакомое имя.

Вика работала у него секретаршей, точнее, как это сейчас называется, помощником руководителя. Без всякого фривольного подтекста. Крутилин в этом не нуждался, он был счастлив с Мариной. А вот Вика... Вика любила своего шефа. Нет, она никогда не намекала на свои чувства, не пыталась кокетничать и не переходила границ. Она страдала молча, и лишь глаза выдавали ее. Крутилин делал вид, что ничего не понимает. Он давно решил, что лучше не вселять в девочку несбыточных надежд, не разрушать ее жизнь. Повздыхает и перестанет, найдет себе другого. А на него рассчитывать нечего, для него до последнего дня вообще никого не существовало, кроме Марины...

В храме неподалеку звенели колокола, шла праздничная служба. Лохнесс остановился и прислушался. Перед глазами встала та, порушенная, с однокрылым ангелом, церковь. «Стоит там сейчас одинокая, – подумал Женя, – такая же одинокая, как и я, с такой же израненной, как у меня, душой. А ведь могла бы, как эта, городская, собрать прихожан сегодня на службу. И звон колокольный как бы далеко был там слышен. Там наверняка долгое эхо...»

Лохнесс не был верующим человеком. Ученый-математик, он все обосновывал с точки зрения материи и цифр. Но тут он ухватился за этот колокольный звон, как за спасательную

соломинку, и сами собой его губы зашептали: «Господи, спаси и помоги! Спаси и помоги мне, непутевому и не знающему тебя, наставь меня на путь истинный, если еще это можно...»

С этими словами Лохнесс, скользя и шатаясь, решительно направился к дому, где жила Вика. Он никогда не был у нее, но несколько раз подвозил и знал, что она живет с братом в крохотной двушке. Девушка показывала ему свои окна: третий этаж, прямо над подъездом. Евгений шел, прибавляя шаг; хотелось поскорей развеять зарождающиеся сомнения: нужен ли он еще этой девочке. Это могло бы показаться смешным – он, считавший себя таким сильным и уверенным, повидавший на своем веку всякого, сумевший с нуля поднять и раскрутить солидный бизнес, цеплялся за совершенно, казалось бы, слабое существо, вся сила которого была заключена в ее влюбленных глазах. В последний месяц, когда всем стало ясно, что он разорен, в ее взгляде появилось новое выражение – сострадание.

– Вика, вы смотрите на меня, как на больного, – смеялся он. – Выше нос, еще не все потеряно.

– А я знаю, я верю, что все будет хорошо, все еще будет хорошо, – как заклинание, повторяла она.

Эх, дурак, куда он смотрел раньше? Зачем кидался на красоток, которым, кроме денег, ничего-то, как выяснилось, от него и не нужно было. Что у него теперь осталось от любви? Боль, обида, разочарование. И еще – отвращение, как тяжелый осадок, поднявшийся со дна и заполнивший всю душу.

– Так мне и надо, – бубнил он себе под нос, – был я ученым-очкариком, им бы и оставался, нет же, занесло меня...

Весь обратный путь он думал о Вике, думал с теплом, нежностью, надеждой и, пожалуй, даже любовью.

– Она меня любит, она меня поддержит, я соберусь и встану еще на ноги, – как заклинание, шептал Евгений.

Он попытался вспомнить, вспомнить все до мелочей, каждый день, который он провел рядом с ней, которой, оказывается, был так важен. А он ничего не замечал, не знал, дурак.

Он вспоминал ее мягкую улыбку, полушутливое извиняющееся выражение лица, когда она заходила к нему в кабинет, влюбленность, которую она так неумело прятала.

Лица его жен как-то померкли и потускнели перед этим новым ярким воспоминанием, как будто только сейчас в его жизни смыло всю фальшь и осталось только важное. Он так боялся расплескать это чувство и поэтому побежал, побежал что есть мочи вперед...

В кармане запиликал мобильный, впервые за этот неправдоподобно долгий вечер. Впрочем, к молчанию телефона Женя уже привык. Это раньше, пока дела шли хорошо, сотовый разрывался чуть не каждую минуту. Но с тех пор, как Крутилин разорился и лишился фирмы, ему звонили все реже и реже.

– Лохнесс, привет, с Рождеством тебя! – прокричала трубка нетрезвым голосом старого приятеля Саньки. – Всего тебе, как говорится, самого-самого...

– И тебе того же, – буркнул в ответ Евгений. – Уж у меня всего этого самого-самого навалом. Я тебе перезвоню позже.

Говорить ни с кем не хотелось. Хотелось скорее увидеть Вику, нагрянуть вот так, среди ночи, без звонка, а дальше – что будет, то будет... Он поискал глазами нужный подъезд и поспешил к нему. Потянул за ручку, и дверь неожиданно поддалась.

Часть вторая

После лета на Урале внешне в жизни Лохнесса все продолжалось как прежде: он спокойно ходил в школу и как будто даже не вспоминал о смерти Вани. Но со временем мама заметила, что с сыном что-то не так. Он больше не ходил в гости к друзьям, не пропадал с ребятами во дворе и все свободное время стал проводить дома. Много читал, но выбирал теперь не приключения и фантастику, а сборники задач по математике и физике. Мама с недоумением обнаружила у него на письменном столе учебники для старших классов, с седьмого по десятый (Женька был в шестом), то там, то здесь заложенные листками, исписанными цифрами и формулами.

За две четверти Женя Крутилин стал лучшим в классе учеником по всем техническим предметам. Его начали посылать на районные и городские олимпиады, откуда он возвращался с призовыми местами. Но параллельно с успехами в учебе он становился замкнутым и нелюдимым, одноклассники его раздражали, он часто огрызался и хамил в ответ. Слова «ботаник» тогда еще не было в ходу, таких ребят обычно звали «очкариками». И Женька не видел в этом ничего плохого. Ему стало казаться нормальным и естественным смотреть на мир сквозь математические формулы и цифры – ведь в цифрах такая простота и такая гармония!

Изгоем в классе, как иногда случается с отличниками, Женька не стал. Возможно, потому, что умел постоять за себя, за каждое нанесенное ему оскорбление готов был тут же дать сдачи. Так что вскоре одноклассники от него отстали.

Задолго до окончания школы Лохнесс уже знал, что будет поступать в МГУ, только с факультетом некоторое время не мог определиться, все колебался между мехматом и физфаком, но в итоге выбрал ВМК – вычислительную математику и кибернетику, специальность программиста, на тот момент уже становящуюся востребованной и очень перспективной.

Школу он закончил без медали, но и без троек. Даже по некоторым гуманитарным дисциплинам в аттестате стояли пятерки, в частности, по литературе, на которую, вместе с русским языком, Женька приналегал в старших классах, зная, как важно для поступления в МГУ хорошо написать сочинение. И он действительно написал его на «хорошо», во всех смыслах этого слова, получил четверку за «Социальную проблематику в «Преступлении и наказании» и, к великой радости и гордости мамы, стал студентом Московского университета.

Во время учебы стало ясно, что страна переживает встряску и жизнь уже никогда не будет прежней. Новое время перевернуло все вверх дном, и Лохнесс в полной мере осознал это.

Денег стало катастрофически не хватать. Гиперинфляция, чуть не ежедневное повышение цен, продуктовые карточки... Мама, привыкшая тянуть сына одна на скромную зарплату учительницы, брала дополнительные ставки, выбивалась из сил, но все равно они жили очень бедно.

Нужно было самому искать работу, но Лохнесс еще не был уверен в себе и не решился предлагать свою кандидатуру на должность программиста. Он купил газету с бесплатными объявлениями и внимательно изучил их. В основном нужны были люди либо с большим опытом – бухгалтеры, экономисты, юристы; либо согласные на грубую физическую работу, например грузчики. Женя уже задумался над последним вариантом, когда его внимание привлекло объявление в красивой рамке: «Крупной европейской торговой компании требуются энергичные, целеустремленные сотрудники. Возраст и опыт работы не важен. Ваш заработок зависит только от вас!» Он тут же позвонил по указанному номеру, и приятный мужской голос пригласил его на собеседование.

На следующий день крайне заинтригованный Женя без пяти восемь утра стоял напротив невысокого здания в центре Москвы, на одной из тихих улочек, примыкавших к Тверской.

Несмотря на ранний час, в дом постоянно заходили и выходили люди. Женя послушно дождался восьми и, немного робея, толкнул массивную дверь и отправился на поиски «офиса номер три». Он оказался в небольшом помещении, видимо недавно отремонтированном – еще пахло краской. Кроме него, тут теснилось еще десятка два нервно озирающихся человек самого разного облика и возраста, от чуть ли не школьников до пенсионеров. Соискатели чувствовали себя неловко, их то и дело просили посторониться энергичные парни и женщины, вышедшие из смежной комнаты, все почему-то с большими сумками в руках. Женя успел уже заскучать, как тут из другой двери показалась высокая черноволосая девушка и громким резким голосом скомандовала:

– Кто пришел на работу устраиваться, заполняйте анкеты.

Она раздала всем листки бумаги с напечатанными вопросами и ушла. Соискатели, пристроившись кто где, энергично заработали ручками. Анкета Лохнесса очень удивила. Вопросы в ней не касались ни образования, ни профессиональных знаний и умений потенциальных работников, а звучали примерно так: «Считаете ли вы себя амбициозным человеком?», «Какую сумму (в долларах США) вы мечтаете зарабатывать в месяц?» и «Сможете ли вы рассмешить человека, который плачет?». Минут через десять девушка вернулась и, собрав анкеты, велела следовать за ней.

Лохнесс очутился в новой комнате, гораздо большей, чем предыдущая. В одном из углов было расставлено множество стульев, на них пригласили разместиться вошедших. В центре стоял стол, прямо на котором сидел широко улыбающийся человек с горящими глазами и в потрепанном синем пиджаке.

– Добрый день, дорогие мои! Садитесь, – он приветствовал их так радушно, точно видел перед собой самых дорогих друзей. – Вы ведь пришли наниматься на работу, правильно? Знайте, что вы сделали лучший выбор! Главное – понять, что все в ваших руках! Только от вас зависит, будете вы решать или обстоятельства. Стоит вам захотеть – и вы будете королями! Вот, – он вынул из пачки одну из анкет, – Ольга Тулупова мечтает зарабатывать пятьсот долларов в месяц. Вы думаете, милая Оленька, что это предел? Да ничуть! У нас вы будете зарабатывать семьсот, восемьсот, да что там – тысячу долларов в месяц! Заведете счет в банке, купите себе иномарку, будете каждый год ездить отдыхать за границу.

Вот есть у нас молодой сотрудник, Коля Чашин. Пришел всего месяц назад. Тоже вот так сидел передо мной, ушами хлопал. Но есть один момент – он захотел стать богатым! Он сломал свою рабскую психологию и сейчас делает по сто бонусов в день. Знаете, как он работает? Когда он заходит в какой-нибудь офис – а в офисах, как известно, трудятся в основном женщины, – он первым делом делает какой-нибудь из них комплимент. Ничего не продает, а только говорит приятные слова, замечьте. И она уже расслабилась, она уже настроена на контакт. И потом между делом он ей говорит: а вы знаете, какой хороший крем для рук такой-то? Вы пробовали? И она уже заинтересовалась, ей уже хочется этот крем. А если одна купила, то всем надо купить. Вы ведь поймите специфику женских коллективов, там основные моменты, которые склеивают людей, – это зависть и слухи. Как это, одна купила, значит, вещь хорошая, а у меня нет? И пошла цепная реакция. И весь этаж купит эти сковородки, вы себе это представляете? Вот что значит грамотно работать с продвижением...

Он замолчал на миг, чтобы перевести дыхание, и этой паузой воспользовался сидевший в первом ряду мужчина лет сорока, по виду – типичный работника.

– Так я не понял, – поинтересовался он, – вы чем торгуете-то, кремом или сковородками?

– Мы занимаемся дистрибуцией товаров народного потребления, – строго поправил человек в потрепанном пиджаке. – Мы не торгуем, мы реализовываем товар. Ассортимент у нас очень широк, более сотни наименований. Это вам потом Леночка расскажет. Другие вопросы есть?

– Я что-то плохо поняла про бонусы, – призналась бойкая кудрявая девушка, соседка Жени. – Расскажите подробнее, что это такое.

– Ну как же вы русского языка не понимаете! – развел руками человек в пиджаке. – Бонус – это премия за товар, проданный сверх нормы. Чем больше прибыль – тем выше бонус. Теперь, надеюсь, ясно?

Он строго посмотрел на девушку, точно призывая ее устыдиться собственной недалекости, но та не смутилась:

– Нет, все равно неясно. Назовите, пожалуйста, точные цифры. На какую сумму нужно продать товаров в день по этой вашей «норме»? И сколько конкретно будем зарабатывать на этих продажах мы?

Мужчина в потрепанном пиджаке закашлялся, потом посмотрел на часы.

– Извините, мне некогда больше с вами беседовать. Время – деньги, сами понимаете, мы тут бизнесом занимаемся, а не чай пьем. Идите к Елене, она распределит вас по инструкторам. Сегодня у вас первый день, будете ходить с инструкторами, смотреть, как они работают. А завтра сюда придете в это же время, внесете деньги и получите товар. Так что, дорогие мои, вперед, к успехам и свершениям! – Он быстро поднялся со стола, давая понять, что лекция окончена.

После «вступительного слова» некоторые соискатели, включая работягу и симпатичную кудрявую девушку, ушли. Но большая часть – и среди них Лохнесс – остались. Ему не слишком понравилось то, что он увидел и услышал, но решил, что выбора нет – деньги очень нужны.

Женю дали в напарники к полноватой женщине лет тридцати с простым деревенским лицом.

– Меня Света зовут, – нехотя сообщила она. – Пойдем на раздачу, там уже вон какая очередь...

В соседнем помещении и впрямь толпился народ с пустыми сумками. Один угол комнаты был чуть не до потолка завален картонными коробками. Две неприветливые женщины раздавали их содержимое, помечая что-то в похожих на ведомости листах, и принимали от каждого деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.